

Два мира

Торговля
кровью

Усманов Х.

Хайдарали Усманов

Два мира. Торговля кровью

<https://litres.ru/74641888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Алексея только начиналась. Да, тяжёлая. Самостоятельная. Но несчастный случай прямо на выпускном вечере всё уничтожил. Ведь парень, спасая других, погиб в пожаре. Но то, что другие видели, как гибель, для самого парня оказалось дверью в новую жизнь. Тоже не такую уж и лёгкую, как хотелось бы. Ведь он, пройдя сквозь пламя, оказался в мире, где мистика и выдуманные на Земле кошмары, оказались реальностью. Но появление парня в этом мире даже самому ему кажется подозрительным. Ведь даже его собственная кровь оказывается чем-то неведомым для этого мира. Что могло его не только возвысить, но и погубить. И теперь ему предстояло балансировать на этом лезвии, чтобы выжить. И как у него это получится, сложный вопрос...

Содержание

Деревня	4
Незнакомец у деревенских ворот	85
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Хайдарали Усманов

Два мира. Торговля кровью

Деревня

Рассвет в деревне наступил раньше, чем обычно, хотя солнце ещё не успело показаться из-за горного хребта. Над крышами домов висела тонкая серая дымка, стелившаяся вдоль узкой долины и цеплявшаяся за верхушки деревьев. Ночной холод ещё не отступил. На камнях, которыми была вымощена главная улица, блестела роса, а на соломенных крышах небольших домов серебрились мелкие капли влаги. Изредка с ближайших склонов доносился крик пробудившейся птицы, но в остальном деревня словно затаила дыхание.

Обычно в такой час здесь уже вовсю начиналась работа. Женщины разжигали очаги, выметали из домов золу, ставили на огонь котлы с рисовой кашей и отправляли детей за водой. Мужчины проверяли упряжь, осматривали сельскохозяйственные орудия, вытаскивали из навесов плуги и мотыги, собираясь отправиться на поля, пока утренняя прохлада позволяла работать без изнуряющей жары. Из нескольких дворов доносилось привычное постукивание деревянных пестов. Кто-то толоч зерно... кто-то дробил сушёные бобы...

готовя запас еды на предстоящий день... Но сегодня деревня просыпалась иначе. Никто не спешил приниматься за привычные дела. Даже те, кто обычно вставал раньше всех, задерживались у ворот своих дворов, прислушиваясь к голосам, доносившимся со стороны главной улицы. Люди выходили из домов, наспех запахивая верхнюю одежду, поправляя пояса и подвязывая рукава, а затем направлялись к просторному двору перед домом старосты. Там, где в обычные дни собирались лишь по случаю важных объявлений, уплаты общинных сборов или обсуждения ремонта оросительных канав, теперь постепенно образовывалась целая толпа.

Впрочем, назвать это место настоящей площадью было бы преувеличением. Главная улица просто становилась немножко шире перед усадьбой старосты, позволяя нескольким десяткам человек собраться, не мешая движению телег. С одной стороны стоял длинный деревянный навес на четырёх потемневших от времени столбах. Под ним обычно оставляли корзины с овощами, мешки с зерном и инструменты, когда община решала какое-нибудь общее дело. С другой стороны тянулся невысокий каменный забор, за которым росла старая хурма с искривлёнными ветвями. Сейчас её плоды ещё не успели полностью созреть, и лишь несколько оранжевых пятен виднелись среди густой листвы.

Дом старосты заметно отличался от соседних построек, хотя и его трудно было назвать богатым. Это было одноэтажное строение на невысоком каменном основании, с широ-

кими деревянными балками, глиняными стенами и крышей, покрытой плотно уложенной соломой. У входа находились деревянные ворота, достаточно широкие, чтобы внутрь могла въехать небольшая повозка. Над ними висела выцветшая табличка с именем хозяина, написанным тёмными иероглифами.

За воротами располагались несколько жилых помещений, кладовая и маленький внутренний двор, где в большой глиняной кадке собирали дождевую воду. В углу росли два бамбуковых куста, посаженных ещё отцом нынешнего старосты. Они давно разрослись настолько, что их тонкие стебли почти касались края крыши, и по утрам ветер тихо перебирал узкие листья, создавая шелест, похожий на шёпот.

Вся деревня была устроена примерно так же. Дома стояли небольшими группами, отделёнными друг от друга огородами, низкими изгородями и хозяйственными постройками. Стены делали из глины, перемешанной с измельчённой соломой, а каркас собирали из местного дерева. У состоятельных семей крыши были покрыты аккуратно подогнанными деревянными дощечками, но большинство жителей довольствовались соломой и тростником. Дворы огораживали плетнём, а входы прикрывали простыми воротцами, которые можно было запереть деревянной перекладиной.

Возле каждого дома имелось всё необходимое для повседневной жизни. Навес для дров, поленница, несколько больших кувшинов, корзины для овощей, сушильные рамы и ме-

сто для хранения сельскохозяйственного инвентаря. Здесь не было ни широких торговых рядов, ни каменных мостовых, ни богатых особняков, какие встречались в городах. Деревня существовала благодаря собственному труду и тому, что удавалось вырастить на окружающей земле.

С полей поступал рис, на огородах выращивали редьку, капусту, лук и бобы, а в лесу собирали грибы, ягоды, лекарственные растения и хворост. Несколько семей держали кур, две или три — свиней, а у самых зажиточных имелись волы, без которых обработка тяжёлой земли превратилась бы в настоящее мучение. Люди здесь знали друг друга с детства. Они помнили, кто кому приходился родственником, кто брал зерно в долг прошлой зимой, чья дочь собиралась выйти замуж после уборки урожая, а чей сын уже достиг возраста, когда его следовало приучать к настоящей работе. В небольшом поселении невозможно было надолго скрыть ни радость, ни несчастье, ни проступок. Именно поэтому исчезновение Сын Хёна за последние два дня успело стать главным событием, вытеснив из разговоров всё остальное. Восемь лет — возраст, когда ребёнок уже способен самостоятельно выполнить простое поручение, но ещё слишком мал, чтобы взрослые могли без опасений отпускать его одного далеко от дома. Сын Хён был обычным деревенским мальчишкой. Весьма любопытным, подвижным, временами непослушным и совершенно неспособным усидеть на месте, если поблизости происходило что-нибудь интерес-

ное. Он знал ближайшие тропинки, бегал между огородами, ловил насекомых у оросительных канав и любил сопровождать старших, когда те отправлялись за водой или хворостом. Взрослые считали, что такой ребёнок не мог далеко уйти без причины. Именно поэтому первые поиски казались им относительно простым делом. Мальчик наверняка заблудился где-нибудь неподалёку, испугался, спрятался или, возможно, попытался самостоятельно вернуться домой, выбрав не ту тропу. Стоило обойти ближайшие рощи, осмотреть берега ручья, проверить овраги и заброшенные хижины, и его обязательно нашли бы. Однако два дня поисков закончились ничем. Теперь люди собирались перед домом старосты с тяжёлыми лицами, и даже утренний холод, заставлявший их прятать ладони в рукава, не отвлекал от тревожных мыслей.

— Я с самого начала говорил, что нельзя было отпускать детей в лес без присмотра... — проворчал пожилой крестьянин, стоявший возле каменного забора. На нём была выцветшая синяя куртка, подпоясанная широким тканевым поясом, а на плечах лежала грубая накидка, защищавшая от утренней сырости. — Разве мало вокруг нас ягод и грибов? Обязательно нужно было тащить целую компанию к дальней чаще?

— Они не ходили к дальним деревьям. — Тут же возразила женщина, стоявшая рядом с ним. — По крайней мере, так говорила старшая сестра. Они собирались у той рощи, где растут маленькие красные ягоды. До неё от деревни ру-

кой подать.

— Рука подать? — старик недоверчиво хмыкнул. — Для взрослого, может, и рукой подать. А для восьмилетнего мальчишки? Он ведь за ними побежал. Или они заигрались и не заметили, как он отстал. Какая разница? Результат один.

Женщина поджала губы.

— Разница есть. Если бы они действительно смотрели за ним, то ничего подобного бы не случилось.

Эти слова быстро подхватили другие.

— Вот именно!

— Сколько раз их мать говорила, чтобы они не брали младшего брата с собой, когда идут собирать ягоды?

— А они всё равно взяли. Теперь пусть посмотрят, что натворили.

— Дети есть дети. — Негромко заметил кто-то из задних рядов. — Неужели вы думаете, что они нарочно его потеряли?

— Никто не говорит, что нарочно! — резко отозвалась женщина в коричневой куртке. — Но если берёшь с собой младшего, то следи за ним. Это же не чужой ребёнок, которого можно оставить где-нибудь у дороги и забыть!

Несколько человек согласно закивали. В подобных разговорах не было ничего удивительного. Когда случалось несчастье, люди прежде всего пытались найти причину. А если причина оказывалась связана с чьей-то ошибкой, то именно на эту ошибку и направлялось всеобщее раздражение. Осо-

бенно когда исправить последствия уже не удавалось.

И всё только из-за того, что старшие сёстры Сын Хёна в тот день отправились в лес не одни. С ними пошли несколько подружек, примерно того же возраста, что и старшая из сестёр. Они собирались набрать ягод, найти съедобные грибы и вернуться до полудня, пока солнце не поднялось слишком высоко. В лесу в это время года было достаточно всего, что можно было собрать и принести домой, а каждая лишняя корзина имела значение для семьи. Мать Сын Хёна согласилась отпустить дочерей, велев им присматривать за младшим братом. Она рассчитывала на то, что знакомая тропа и близость деревни не представляют серьёзной опасности. Но девочки разговорились. Одна рассказывала, что видела на склоне необычную птицу. Другая хвасталась, что сумела найти грибную поляну, о которой не знали даже взрослые. Третья предложила свернуть к зарослям, где в прошлом году собирали особенно сладкие ягоды. Они переходили от одного куста к другому, сравнивали находки, спорили о том, кому достанется самая полная корзина, и постепенно удалялись от первоначального места сбора. Сын Хён сначала держался рядом. Потом, по словам сестёр, отвлёкся на что-то в стороне. Никто не мог сказать, что именно привлекло его внимание. Может быть, маленькая ящерица, мелькнувшая между корней. Может быть, птица, вспорхнувшая с низкой ветки. Или он просто решил исследовать незнакомое место, пока старшие не смотрят.

Когда девочки наконец заметили отсутствие мальчика, они уже не смогли определить, куда он ушёл. Сначала они позвали его. Затем разделились и начали искать поблизости, надеясь, что он услышит знакомые голоса и отзовётся. Потом испугались по-настоящему и бросились обратно в деревню. С того момента их жизнь превратилась в нескончаемую череду слёз, упреков и бесплодных поисков.

— Видели бы вы их мать вчера вечером... — Тихо произнесла пожилая женщина, стоявшая у навеса. — Она даже плакать уже не могла. Просто сидела на пороге и смотрела на дорогу. Будто ждала, что мальчик сейчас появится из-за поворота.

— А что ей остаётся? — спросил её сосед. — Сына нет, дочерей винят все подряд, а толку от этого никакого.

— Если бы он был рядом с деревней, его давно бы нашли. Последние слова прозвучали негромко, но несколько человек тут же повернули головы.

Говорившим оказался мужчина средних лет, широкоплечий, с обветренным лицом и густыми бровями. Он занимался обработкой земли на участке ближе к лесу и участвовал в обоих днях поисков. На его куртке ещё оставались следы засохшей грязи, а на поясе висел небольшой серп, который он, судя по всему, даже не подумал снять перед тем, как выйти из дома.

— Что ты имеешь в виду? — спросил старик у забора. Мужчина помедлил, прежде чем ответить.

— Я имею в виду, что мы проверили всё, что могли проверить обычные люди. Обошли рощу, прошли вдоль ручья, осмотрели низины, заглянули в старые угольные ямы. Искали возле поваленных деревьев, в зарослях папоротника, даже под выступающими скалами, где ребёнок мог укрыться от дождя. Если бы он просто сидел и плакал где-нибудь неподалёку, мы бы его нашли.

— Может, он провалился в яму?

— Проверили.

— Упал в ручей?

— Проверили и ручей.

— А если его унесло течением?

— Воды сейчас мало. Да и следы остались бы.

Мужчина говорил без раздражения, но с каждым ответом его лицо становилось всё мрачнее. Он не хотел пугать остальных, однако и притворяться, будто всё ещё надеется найти мальчика за ближайшим кустом, больше не мог.

— Тогда куда он мог деться? — спросила женщина, сжимая пальцами край рукава. — Ведь не мог же он просто исчезнуть! Да и опасных хищников поблизости от деревни нет!

Никто ей не ответил. Вдали, за крышами последних домов, начинался лес. Сначала шли знакомые каждому жителю участки. Невысокие деревья... кустарники... редкие поляны и тропинки, по которым крестьяне ходили за хворостом или собирали грибы... Здесь земля была относительно ровной, а солнечный свет свободно проникал сквозь кро-

ны. В хорошую погоду дети играли на опушке, взрослые заготавливали валежник, а охотники проверяли ловушки на мелкую дичь. Но дальше лес становился гуще. Стволы старых деревьев утолщались, их корни выпирали из земли, переплетаясь с камнями. Склоны постепенно поднимались, а привычные тропы дробились на множество едва заметных ответвлений. Там, где почва была мягкой, ноги утопали в прошлогодней листве. В низинах лежал холодный туман, а между скалами даже днём сохранялась сырость. Ещё дальше начинались предгорья. Именно там, за несколькими грядами, находился горный рубеж, отделявший обжитые земли от областей, где слишком долго господствовали демонические силы. Эту границу нельзя было назвать стеной или чётко обозначенной линией. На картах она выглядела как горный хребет с несколькими перевалами, сторожевыми постами и укрепленными проходами. В действительности же граница была гораздо шире. Демоническое влияние распространялось неравномерно, временами отступая в глубину гор, а временами словно просачиваясь наружу по ущельям, сухим руслам и лесным низинам. На одних участках деревья росли нормально, трава оставалась зелёной, а ручьи не отличались от любых других горных потоков. На других кора темнела и покрывалась странными пятнами, камни приобретали нездоровый оттенок, а земля источала запах сырости и гнили даже в сухую погоду. В особенно неблагоприятных местах туман мог сохраняться неделями, и даже животные ста-

рались обходить такие участки стороной. Жители деревни знали об этом не по рассказам путешественников. Они жили достаточно близко к горам, чтобы время от времени ощущать последствия, происходившего там. Иногда сторожевые посты посылали предупреждения. Иногда охотники находили в лесу зверей с искривлёнными конечностями, необычно твёрдой кожей или мутными глазами. Порой на дальних склонах появлялись следы, которые невозможно было уверенно приписать ни одному знакомому животному. А иногда демонические твари действительно прорывались через естественные рубежи.

Не каждую неделю и даже не каждый месяц, но достаточно часто, чтобы люди не считали подобные истории пустыми суевериями.

— Если он ушёл к горам, — наконец произнёс мужчина, — мы могли просто пройти мимо него.

На этот раз тишина оказалась гораздо более тяжёлой.

— К горам? — переспросила женщина.

— Я не говорю, что он точно там. Но если мальчик испугался, мог побежать куда угодно. А если пошёл за каким-нибудь зверьком или птицей, то мог забраться намного дальше, чем собирался.

— Он ведь всего лишь ребёнок. — Тихо прошептала она.

— Именно.

— Но туда нельзя ходить! — воскликнул кто-то из толпы.

— Даже взрослые не заходят туда без оружия и без необхо-

димости!

— А ты думаешь, мальчик знал, куда идёт? — раздражённо ответил мужчина. — Он мог просто продолжать идти по лесу. Тропинки там есть. Старые охотничьи тропы, звериные проходы. Некоторые ведут к ручьям, некоторые — в ущелья. Если он не знает местности, то мог забраться куда угодно.

— Хватит! — вмешался другой голос. — Не говори так, будто он уже погиб.

Это сказал невысокий крестьянин с редкой бородой. Он держал обеими руками плетёную корзину, которую, вероятно, собирался отнести на поле, но так и не выпустил из рук.

— Пока мы не нашли тело, нельзя говорить, что он погиб. — Тут же продолжил он. — Мальчишка маленький, но дети иногда выживают там, где взрослый не выдержит. Может, он нашёл пещеру. Может, забрался под корни поваленного дерева. Если у него было что-нибудь съестное...

— Что у него могло быть съестного? — спросил кто-то. — Разве что какие-то ягоды? Не станет же он есть сырые грибы!

Крестьянин замолчал. Сын Хён ушёл из дома без запасов еды. Если верить сёстрам, он даже не взял с собой простейший кусок хлеба. Только маленькую корзинку. В лесу могли найтись ягоды, орехи или съедобные растения, но рассчитывать на то, что восьмилетний ребёнок сумеет отличить безопасную пищу от опасной, было бы безрассудно. Кроме того, даже если он сумел укрыться от дождя, ночи в предгорьях уже становились холодными. В низинах скапливался туман,

земля быстро вытягивала тепло из тела, а любой незащищённый участок кожи мог покрыться инеем в особенно холодные часы перед рассветом. И это была лишь обычная опасность. Лес скрывал овраги, обрывы, змей, диких кабанов и волков. Встречались здесь и медведи, хотя они предпочитали держаться подальше от деревни.

А если двигаться в направлении гор... Там добавлялось то, о чём люди старались не думать без крайней необходимости. Демонические твари. Некоторые были обычными животными, изменившимися под воздействием скверны. Другие, по рассказам пограничников, вообще не походили на существ, которые должны были обитать в этом мире. У них могли быть лишние конечности, необычная форма головы, слишком длинные челюсти или кожа, напоминавшая обугленную древесину. Порой их появление сопровождалось туманом, от которого начинали болеть глаза и першить в горле. Самые опасные из них не всегда бросались на человека сразу. Охотники рассказывали, что отдельные твари могли подолгу наблюдать из зарослей, следуя за путником на расстоянии. Другие привлекали жертву звуками, похожими на крики животных или даже человеческий голос. Насколько правдивыми были эти истории, никто не мог сказать наверняка, но жители предпочитали не проверять их на собственном опыте. И уж тем более не хотели представлять, что восьмилетний Сын Хён мог оказаться один в таком месте.

— Где охотники? — спросил кто-то.

— У восточных ворот. Готовят снаряжение.

— Они снова пойдут искать?

— А кто ещё пойдёт?

Вопрос был неприятным, потому что ответ знали все. Два дня назад на поиски вышла почти вся деревня. Мужчины оставили поля и хозяйственные работы, женщины отложили домашние дела, даже подростки присоединились к взрослым, прочёсывая участки леса, где им разрешили искать. Люди звали мальчика, стучали палками по стволам, проверяли ямы и расщелины, следовали по звериным тропам, пока те не терялись среди камней и переплетённых корней. Но деревня не могла позволить себе продолжать поиски всем составом. Подрастающий на полях рис требовал ухода. На огородах нужно было собирать созревшие овощи, ремонтировать ограды и готовить землю к дальнейшим работам. Домашний скот нельзя было оставить без присмотра, а запас дров сам собой не появлялся возле очагов. Если бы каждый житель продолжал ежедневно уходить в лес, через несколько дней возникла бы другая беда — уже не связанная с пропавшим ребёнком.

Люди могли жалеть семью Сын Хёна, могли обвинять его сестёр, могли бояться того, что скрывал лес, но голод и хозяйственные заботы не исчезали оттого, что в деревне случилось несчастье. Поэтому на третий день поиски должны были продолжить только охотники. Они знали местность лучше остальных. Умели читать следы, различать отпечатки лап, за-

мечать сломанные ветки и понимать, когда тропа переставала быть безопасной. У каждого имелось оружие, а некоторые из них не раз сопровождали пограничные отряды в лесных походах. И всё же даже среди охотников не было согласия относительно того, насколько далеко следовало заходить. У восточного края деревни, возле навеса, где хранили охотничьи сети и запасные копья, собрались пятеро мужчин. Они выглядели иначе, чем крестьяне, хотя одевались примерно так же. Их куртки были плотнее, на коленях и локтях имелись дополнительные кожаные накладки, а обувь была стянута крепкими ремешками. На поясах висели ножи, небольшие мешочки с сушёным мясом и верёвки, сложенные кольцами. У двоих за плечами находились луки в простых чехлах, ещё один проверял короткое копьё с широким металлическим наконечником.

Старшим среди них был Пак Тэ-гу, мужчина лет пятидесяти, с обветренным лицом и седыми волосами, собранными в небольшой узел на затылке. Его левая бровь пересекала старая белая отметина, оставшаяся после встречи с кабаном. Он не был самым сильным охотником в деревне, зато лучше других знал предгорья и умел отступать, когда продолжение охоты грозило обернуться бедой. Рядом с ним стоял молодой охотник по имени Чхве Ман-сик. Он был широкоплечим, немного сутулым и обладал привычкой постоянно поглаживать пальцами рукоять ножа, словно проверяя, на месте ли тот. Вчера именно он заметил следы, которые могли

принадлежать маленькому ребёнку, но затем они оборвались на каменистом участке, где земля не удерживала отпечатков. Третьим был Ким Ён-су, сухощавый мужчина с узким лицом и внимательными глазами. Он редко говорил первым, предпочитая слушать, но когда высказывался, остальные обычно прислушивались к его словам. Двое остальных были моложе. Они участвовали в поисках с первого дня и теперь выглядели уставшими. На их одежде засохла грязь, а под глазами залегли тени от недосыпа.

— Нужно решить, куда пойдём сегодня. — Сказал Пак Тэ-гу, подтягивая ремень на плече. — Если снова станем обходить знакомые места, потеряем ещё один день.

— Мы не проверили северный овраг. — возразил один из молодых охотников. — Там много каменных расщелин. Ребёнок мог спрятаться в одной из них.

— Сегодня надо проверили входы. — ответил Чхве Ман-сик. — По крайней мере, те, куда можно добраться без верёвки. Я спускался туда вчера.

— Не во все.

— Потому что некоторые слишком глубокие. И потому что мы не знаем, что находится внизу.

Молодой охотник недовольно нахмурился, но спорить не стал. Пак Тэ-гу присел возле земли, где ещё сохранялись несколько отпечатков обуви. Они принадлежали самим поисковикам, и старший охотник давно перестал надеяться извлечь из них что-нибудь полезное. Он просто хотел обдумать

последовательность действий, прежде чем отправлять людей в очередной поход.

— Давайте ещё раз всё обсудим. — Спокойно произнёс он. — В тот день девочки собирали ягоды возле старой рощи. Когда заметили, что Сын Хён пропал, начали искать его вокруг. Потом вернулись в деревню. Правильно?

— Да. — Ответил Ман-сик. — Я расспрашивал каждую отдельно. Истории совпадают, хотя они постоянно плачут и путаются в мелочах.

— Они говорили, что слышали его голос?

— Старшая сестра сказала, что ей показалось, будто кто-то позвал её из кустов. Но она не уверена, был ли это Сын Хён. Остальные ничего не слышали.

Тэ-гу медленно поднял голову.

— Когда это было?

— До того, как они поняли, что он исчез. По её словам, они уже отошли от первой поляны.

— И куда направился голос?

— В сторону северо-запада. К каменистому склону.

Несколько секунд охотники молчали. Северо-западный склон был неудобным местом. Там росли старые деревья с толстыми корнями, земля резко поднималась, а среди камней встречались небольшие проходы, которые с расстояния легко можно было принять за обычные звериные тропы. За склоном начинался участок леса, куда взрослые заходили редко, поскольку добычи там было мало, а возвращение тре-

бывало слишком много времени.

— Почему ты не сказал об этом вчера? — спросил Тэ-гу.

— Потому что она сама не могла вспомнить точно. — ответил Ман-сик. — Когда я спросил, уверена ли она, что это был голос брата, она сказала, что могла просто услышать птицу. Там полно птиц, которые кричат почти как люди.

— Не все птицы кричат человеческими голосами. — заметил Ён-су.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты так легко это отбрасываешь?

Ман-сик нахмурился.

— Потому что не хочу пугать людей рассказами о том, чего никто не видел.

— Мы не обязаны рассказывать об этом людям, — спокойно сказал Ён-су. — Но обязаны учитывать всё, что может иметь значение для поиска.

Старший охотник поднялся, стряхивая с колен прилипшие листья.

— Ён-су прав. Мы должны рассматривать любые возможности. Но не станем делать выводов на основании одного неуверенного свидетельства.

Он оглядел собравшихся.

— Что мы знаем наверняка? Мальчик пропал в лесу. Но на землях вокруг деревни его так и не нашли. Следов борьбы не обнаружили. Крови, клочков одежды, сломанных веток на предполагаемом пути — ничего. Это может означать, что он

ушёл дальше, чем мы рассчитывали, или что его следы скрыты особенностями местности. Есть и другие объяснения, но сейчас у нас нет оснований выбирать какое-то одно.

— Если он пошёл к горам, — произнёс один из молодых охотников, — мы должны сообщить на заставу.

— Если он действительно пошёл туда, — ответил Тэ-гу, — сообщить придётся. Но прежде нужно проверить промежуточный участок. Нет смысла поднимать тревогу на пограничном посту из-за предположения.

— А если там уже скверна?

Слова прозвучали тише остальных, но все услышали их. Тэ-гу не ответил сразу. Он посмотрел в сторону гор, чьи вершины скрывались за плотной полосой облаков. Из деревни они казались далёкими и почти безмятежными. Серые склоны поднимались над лесом, местами прорезанные узкими ущельями, а кое-где на каменных уступах виднелись пятна тёмной растительности. В ясную погоду можно было разглядеть старую сторожевую башню на одном из перевалов, но сейчас её скрывал туман.

— Тогда мы не будем идти туда вслепую. — Наконец сказал он. — Возьмём верёвки, факелы, соль и запасные накопечники. Будем держаться друг друга. Если увидим признаки скверны, не станем проверять их из любопытства. Отметим место и вернёмся за помощью.

— А мальчик?

— Если он там, он не станет безопаснее оттого, что мы

бросимся в заражённую чашу без подготовки.

Ман-сик сжал челюсти. Ему явно не нравилась мысль о том, что им придётся отступить, если поиски приведут к скверне, но он знал, что старший охотник прав. Даже хорошо вооружённые люди не могли позволить себе бездумно идти туда, где привычные правила леса переставали работать.

— Думаешь, демоническая тварь могла утащить его? — спросил один из молодых охотников.

— Думаю, что мы не знаем, что случилось. — тут же хмуро отрезал Тэ-гу. — И не собираюсь выбирать самое страшное объяснение только потому, что оно пришло нам в голову.

Он посмотрел на каждого из присутствующих, убеждаясь, что они слушают.

— Но есть одна вещь, которую вы должны помнить. Если Сын Хён забрался к предгорьям, нам придётся искать его не только по следам. Ребёнок может испугаться наших голосов и спрятаться. Может не суметь ответить. Может лежать без сознания. Поэтому будем проверять укрытия, осматривать землю возле ручьёв и заглядывать под упавшие деревья. Если найдёте что-то необычное, не трогайте руками, пока не убедитесь, что это безопасно.

— А если найдём следы зверя?

— Сначала определим, какие именно. Волк, кабан, медведь — это одно. Следы демонического зверя — совсем другое. Не геройствуйте. Наша задача — найти ребёнка и вернуться живыми.

С этими словами он начал проверять снаряжение. Мансик достал из мешка моток тонкой верёвки и тщательно перебрал его, убеждаясь, что волокна не перетёрлись. Ён-су проверил наконечники стрел, провёл пальцем вдоль древка копья и затянул кожаный ремешок на запястье. Молодые охотники разделили между собой запас еды, кремён и сухую растопку, завернув всё в промасленную ткань. Они собирались не на обычную охоту. Это понимали все. И хотя никто не произносил этого вслух, каждый думал о том, что чем дальше они уйдут от деревни, тем меньше будет шансов вернуться к вечеру. Между тем разговоры на главной улице продолжались.

— Если они уйдут к горам, кто-нибудь должен предупредить старосту, — сказала женщина в тёмной юбке. — Нельзя просто отправить их туда и ждать.

— Староста уже знает, — ответил её муж. — Он сам распорядился, чтобы охотники собрались на рассвете.

— А пограничная застава?

— До неё далеко. И прежде, чем посылать гонца, нужно понять, есть ли основания.

— Основания? — женщина с горечью усмехнулась. — Пропал восьмилетний ребёнок. Разве этого недостаточно?

Её муж не нашёлся с ответом. В толпе появилась мать Сын Хёна. Она шла медленно, словно каждый шаг давался ей с трудом. На ней была простая серая одежда, поверх которой она накинула тёмную куртку. Волосы были собра-

ны небрежно, несколько прядей выбились из узла и падали на лицо. Она выглядела так, будто почти не спала две ночи подряд. Разговоры начали стихать, когда люди заметили её приближение. Одни отвели глаза. Другие, напротив, стали смотреть с нескрываемым сочувствием. Несколько женщин двинулись навстречу, но остановились, не зная, что сказать. Вчера они уже пытались утешать её, убеждали поесть, предлагали остаться у соседей, пока мужчины продолжают поиски. Всё оказалось бесполезным.

Мать Сын Хёна остановилась возле навеса и посмотрела на охотников.

— Вы снова уходите?

Пак Тэ-гу повернулся к ней.

— Да. Сегодня проверим северо-западный склон и старые тропы в предгорьях.

Она испуганно сжала руки перед собой.

— Вы думаете, он мог уйти туда?

Старший охотник не стал лгать.

— Мог. Но это не значит, что он там.

— А если он там...

Голос женщины дрогнул. Она опустила голову, пытаясь взять себя в руки, однако следующая фраза всё равно прозвучала едва слышно:

— Если он там, пожалуйста, найдите его раньше, чем...

Тэ-гу несколько мгновений смотрел на неё. Он видел подобное выражение лица и раньше — у родителей, чьи дети

заблудились в горах, у жён, ожидавших возвращения мужей с опасной охоты, у людей, которым оставалось только довериться чужому мастерству и надеяться на благополучный исход.

— Мы сделаем всё, что сможем. — спокойно сказал он.

Это было единственное обещание, которое он мог дать. Женщина кивнула, но не ушла. Она стояла, наблюдая, как охотники заканчивают приготовления. Ей хотелось спросить, когда они вернутся, сколько времени займут поиски, что будут делать, если обнаружат следы скверны. Хотелось попросить их не останавливаться, даже если придётся идти до самого горного хребта. Но она понимала, что ни один из этих вопросов не поможет сыну.

Старшая сестра Сын Хёна тоже находилась неподалёку. Девочка стояла чуть в стороне от матери, крепко сжав края рукавов. Её лицо опухло от слёз, а взгляд был направлен в землю. На ней была та же одежда, в которой она вернулась из леса два дня назад, только теперь ткань покрылась пятнами грязи и была небрежно заштопана на локте.

Когда охотники проходили мимо, она вдруг подняла голову.

— Дядя Пак...

Тэ-гу остановился. Девочка сглотнула.

— Если вы найдёте его... скажите ему, что я искала. Я правда искала. Я не хотела...

Она не смогла закончить. Окружающие молчали. Даже те,

кто совсем недавно обвинял сестёр в беспечности, теперь не решались произнести ни слова. Девочка уже слышала достаточно упрёков за эти два дня. Ей не требовалось напоминать, что она должна была следить за младшим братом. Она знала это лучше любого взрослого.

— Мы знаем. — устало вздохнув, ответил Тэ-гу. — Если найдём его, ты сама сможешь ему всё сказать.

Девочка прикусила губу и быстро закивала, словно боялась, что если перестанет двигаться, то снова разрыдается. Охотники направились к восточным воротам. За ними потянулись взгляды собравшихся жителей. Кто-то перекрестил руки на груди в привычном местном жесте защиты от дурного влияния, кто-то тихо прошептал молитву домашним духам, а несколько стариков просто молча склонили головы. У ворот Пак Тэ-гу остановился ещё раз. Перед ними лежала знакомая дорога, ведущая мимо огородов к лесной опушке. За ней начинались деревья, между которыми терялись узкие тропы. Вдали возвышались горы, скрытые утренним туманом.

— Держимся вместе, — напомнил он своим спутникам. — Сначала проверяем северный склон. Если следов нет, идём к старой охотничьей тропе. Дальше решим по обстоятельствам.

Ман-сик поправил лук за плечом и посмотрел на лес.

— Если мальчик действительно ушёл туда, он уже провёл там две ночи.

— Знаю.

— Без еды. Без огня. И без оружия.

— Я знаю, Ман-сик.

Молодой охотник замолчал. Пак Тэ-гу не хотел думать о том, что могло произойти с ребёнком за эти две ночи. Он предпочитал сосредоточиться на том, что ещё можно сделать. Если Сын Хён был жив, каждая потерянная минута имела значение. Если же на его след вышло что-то из предгорий, им предстояло обнаружить это прежде, чем оно приблизится к деревне. Охотники шагнули за ворота. Утренний туман медленно расходился над полями, но в лесу он оставался плотным. Там, между деревьями, воздух был темнее и холоднее, а ветви переплетались так густо, что даже первые лучи солнца едва проникали к земле.

Деревня постепенно возвращалась к своим делам. Мужчины направлялись к полям, женщины расходились по дворам, кто-то разжигал очаг, кто-то поднимал с земли корзины. Жизнь не могла остановиться из-за одного несчастья, как бы сильно оно ни потрясло общину. Но возле дома старосты люди ещё долго стояли небольшими группами, продолжая негромко обсуждать исчезновение мальчика. Одни надеялись, что охотники найдут его у ручья или в какой-нибудь расщелине. Другие боялись, что поиски приведут к горам. Третьи, не желая произносить вслух самое страшное, молча смотрели в сторону леса.

А мать Сын Хёна всё ещё оставалась возле ворот. Она

смотрела туда, где дорога исчезала среди деревьев, и ждала. Потому что, пока никто не принёс ей доказательств обратного, она не могла позволить себе поверить, что её сын не вернётся домой.

Охотники успели отойти от деревенских ворот всего на несколько десятков шагов, когда один из мужчин, шедших впереди, неожиданно замедлил шаг. Сначала никто не обратил на это внимания. Дорога, по которой они направлялись к лесу, была знакома каждому из них до последнего поворота. Слева тянулись огороды, отделённые друг от друга невысокими плетёными изгородями, справа начинался пологий склон, заросший травой и редкими кустарниками. За спинами оставались дома, из труб которых уже поднимались тонкие струйки дыма. Впереди темнела лесная опушка, а над ней возвышались горы, скрытые утренней дымкой. Однако мужчина смотрел вовсе не на лес. Он повернул голову в сторону старой дороги, проходившей по противоположному краю деревни.

— Постойте-ка...

Пак Тэ-гу, возглавлявший охотничью группу, остановился и недовольно оглянулся.

— Что ещё?

Молодой охотник не ответил сразу. Он прищурился, прикрыл ладонью глаза от низкого солнца и некоторое время всматривался в даль.

— Там кто-то идёт.

Слова прозвучали достаточно обыденно, чтобы остальные поначалу не придали им особого значения. По старой дороге действительно иногда появлялись путники. Раз в несколько недель через деревню могли пройти торговцы, направлявшиеся к соседним поселениям, сборщики податей или странствующие лекари. Порой заглядывали люди из других деревень, чтобы обменять зерно на сушёную рыбу, приобрести железные инструменты или договориться о совместной работе на полях. Но сейчас был слишком ранний час. К тому же незнакомцы двигались со стороны гор.

— Сколько? — спросил Пак Тэ-гу.

— Пока не разобрать. Человек пять или шесть. Может, больше. Дорога уходит за холм, поэтому видна только часть группы.

Старший охотник повернулся в указанном направлении. Старая дорога проходила вдоль восточной стороны деревни, огибала невысокий каменистый холм и затем уходила в предгорья. В отличие от главной дороги, соединявшей поселение с соседними земледельческими общинами, её почти не использовали для обычных поездок. Покрытие здесь давно пришло в негодность. Крупные камни выступали из земли, между ними разрастались жёсткая трава и мох, а после дождей в углублениях оставались лужи. В нескольких местах дорогу сужали осыпавшиеся склоны, из-за которых даже небольшая телега могла с трудом пройти между камнями. Тем не менее эта дорога имела особое значение. Она вела к

пограничной крепости. До неё было достаточно далеко, чтобы обычный крестьянин не отправлялся туда без веской причины. Путь пролегал через лесистые предгорья, пересекал несколько неглубоких ущелий и проходил мимо старых дозорных постов. На отдельных участках дорога поднималась так высоко, что путник мог видеть за спиной всю долину, а впереди — зубчатую линию гор, за которой начинались земли, поражённые демоническими силами. Именно там, среди скал и узких проходов, находилась крепость, от которой во многом зависела безопасность окрестных поселений. Её гарнизон следил за перевалами, проверял состояние защитных сооружений, наблюдал за изменениями в лесах и перехватывал тех существ, которым удавалось прорваться через горный рубеж. Разумеется, крепость не могла остановить абсолютно всё. Горные хребты были слишком велики, а демоническое влияние слишком непредсказуемо, чтобы даже многочисленный гарнизон мог гарантировать полную безопасность всей округе. Однако без пограничных воинов местные жители давно перестали бы спокойно обрабатывать поля и отправляться в лес за дровами. Поэтому появление вооружённых людей со стороны крепости редко оставалось незамеченным. Особенно если они приходили без предварительного предупреждения.

— Похожи на воинов пограничной стражи. — Задумчиво произнёс Ён-су, разглядев вдалеке несколько тёмных силуэтов. — Вон тот впереди. Видишь, как держит копьё?

Ман-сик проследил за его взглядом. Даже с такого расстояния можно было заметить, что незнакомцы двигались не как торговцы или обычные путники. Их шаги были размеренными, снаряжение закреплено так, чтобы не мешать при ходьбе, а расстояние между людьми сохранялось почти одинаковым. Они не толкались, не сбивались в беспорядочную толпу и не тратили силы на лишние движения. Так ходили люди, привыкшие проводить много времени в строю.

— Пограничный патруль? — предположил один из молодых охотников.

— Возможно. — ответил Пак Тэ-гу. — Но что такой патруль может делать здесь?

Он нахмурился. Обычно отряд, направлявшийся из крепости в окрестные деревни, либо заранее отправлял гонца, либо имел при себе приказ, объяснявший цель визита. Конечно, всякое случалось. Иногда воинов посылали проверить подозрительные следы, иногда они сопровождали раненых, а порой возвращались после столкновения с демоническими тварями и нуждались в припасах или помощи местных лекарей. Но в любом случае появление пограничников могло означать, что в горах произошло нечто, о чём деревня пока не знала. Старший охотник бросил взгляд на своих спутников, затем посмотрел на лесную дорогу, по которой они собирались идти.

— Возвращаемся в деревню. Быстро!

— А поиски? — удивился Ман-сик.

— Никуда они не денутся. Сначала узнаем, что случилось. Если крепость прислала людей, значит, у них может быть важная новость.

Никто не стал возражать. Охотники развернулись и направились обратно к воротам, стараясь не показывать излишней поспешности. Однако каждый из них теперь поглядывал на старую дорогу. Даже те, кто ещё несколько минут назад думал только о пропавшем ребёнке, невольно задавались вопросом, что могло привести пограничников в деревню на рассвете.

Между тем новость о появлении воинов, идущих со стороны пограничной крепости, быстро разнеслась по ближайшим дворам. Первым их заметил мужчина, выносивший из сарая охапку сухих дров. Он поставил ношу на землю, выпрямился и некоторое время смотрел в сторону холма, пытаясь понять, не ошибается ли. Затем подозвал жену. Та выглянула из-за ворот, вытирая руки о передник, и тоже замерла.

— Это люди из крепости?

— Похоже.

— Почему они идут сюда?

Ответа не было. Через несколько мгновений женщина позвала соседку, а та, в свою очередь, окликнула старшего сына. Вскоре несколько человек уже стояли у изгороди, указывая друг другу на приближавшуюся группу. Те, кто находился возле дома старосты, тоже заметили движение. Раз-

говоры постепенно смолкли. Мужчины, собиравшиеся уходить на поля, задержались посреди улицы. Женщины вышли из дворов, некоторые всё ещё держали в руках корзины или кухонные принадлежности. Несколько подростков забрались на невысокую каменную стену, чтобы лучше видеть происходящее, пока взрослые не велели им слезть. Весть дошла и до матери Сын Хёна. Она стояла возле ворот дома старосты, почти не двигаясь, и всё ещё смотрела в сторону леса. Услышав, что со стороны гор пришли пограничники, женщина сначала не поняла, почему вокруг началось оживление. Лишь когда кто-то произнёс слово “крепость”, она резко повернулась.

— Пограничники?

— Да. — Ответила стоявшая рядом пожилая соседка. — Кажется, целый отряд.

Женщина побледнела.

— Что-то случилось?

Соседка хотела успокоить её, но не нашла подходящих слов. В последние два дня мать Сын Хёна привыкла воспринимать любую неожиданную новость как предвестие беды. Каждый незнакомец, появлявшийся у ворот, мог принести весть о её сыне. Каждый человек, возвращавшийся из леса, мог сказать, что нашёл его следы. Но пограничники были связаны с горами, а именно туда теперь собирались идти охотники. Она невольно подумала о том, что сын мог забраться слишком далеко. Что, если он действительно оказал-

ся возле демонических земель? Что, если его заметили воины крепости? И если они пришли не одни, то... Женщина оборвала мысль, не позволив себе закончить её.

Тем временем отряд вышел из-за холма, и его очертания стали заметнее. Людей действительно оказалось больше, чем сначала предполагали охотники. Впереди шли двое вооружённых воинов, за ними ещё несколько, а в середине группы двигались мужчины, чьё снаряжение выглядело несколько иначе. Возможно, они принадлежали к другому подразделению крепости или сопровождали патруль по служебной необходимости. На них были тёмные стёганные куртки, поверх которых надевались лёгкие защитные жилеты из кожи и небольших металлических пластин. Некоторые пластины были потёрты, на отдельных виднелись царапины. У одного из воинов на плече висел длинный лук, у другого за спиной находился колчан со стрелами, а несколько человек несли копья с широкими наконечниками. Мечи в ножнах покачивались у их поясов при каждом шаге. На груди некоторых поблёскивали небольшие амулеты из светлой кости или металла. Такие вещи встречались у пограничников довольно часто. Они не делали владельцев неуязвимыми и не могли заменить обычную осторожность, но, по словам самих воинов, помогали обнаруживать определённые проявления демонического влияния и предупреждали об опасности в тех случаях, когда обычные чувства человека оказывались бесполезны. Одежда отряда покрылась дорожной пылью. На сапогах

засохла грязь, а на краях плащей виднелись мелкие брызги. Поход явно был неблизким, хотя сами воины не выглядели немного уставшими.

— Что-то не похоже, что они возвращаются после сражения. — Заметил Ён-су, остановившись рядом с Пак Тэ-гу.

— Пока ничего не говори. — ответил старший охотник. — Подождём, пока подойдут.

Люди у ворот расступились, освобождая дорогу. Староста тоже вышел из дома, на ходу поправляя пояс поверх длинной верхней одежды. Он был пожилым мужчиной, но крепким, с прямой спиной и внимательным взглядом. В деревне его уважали не столько за богатство или происхождение, сколько за умение договариваться с людьми и принимать решения, когда мнения общинников расходились. Увидев вооружённый отряд, староста остановился у края улицы и сложил руки перед собой в приветственном жесте.

— Доброе утро, уважаемые воины. Что привело вас в нашу деревню?

Впереди шёл мужчина лет сорока с коротко подстриженными волосами и небольшим шрамом возле подбородка. На его поясе висел меч в тёмных ножнах, а на плече была закреплена короткая накидка с отличительным знаком пограничной службы. Он собирался ответить, но в этот момент один из воинов позади него что-то сказал своему спутнику. И тогда произошло то, чего никто из собравшихся не ожидал.

— Эй... — негромко произнёс Чхве Ман-сик.

Он стоял рядом с Пак Тэ-гу, чуть подавшись вперёд. Его глаза сузились, а затем внезапно расширились.

— Это же...

— Что? — спросил Ён-су.

Ман-сик не ответил. Он поднял руку и указал на середину отряда.

— Посмотрите туда!

Несколько человек повернули головы. Один из пограничных воинов, шедший ближе к задней части группы, нёс на плечах ребёнка. Мальчик сидел у него на плечах совершенно непринуждённо, словно они вместе возвращались с обычной прогулки. Его маленькие руки лежали на голове воина, пальцы время от времени цеплялись за край повязки, а ноги свободно покачивались по обе стороны его шеи. На нём была знакомая одежда — простая куртка, подвязанная поясом, и тёмные штаны, испачканные в нескольких местах. На одном колене виднелось засохшее пятно грязи, а рукав был немного порван. Но это был он. Восемь лет, круглое лицо, растрёпанные волосы, чуть выступающие передние зубы, которые становились особенно заметны, когда мальчик улыбался. Сын Хён. Тот самый ребёнок, которого вся деревня безуспешно искала два дня. На мгновение люди словно забыли, как дышать. Потом кто-то вскрикнул.

— Сын Хён!

Мальчик повернул голову на знакомый голос. Он оглядел

собравшихся у ворот людей, словно только сейчас заметил, сколько народу вышло его встречать, и радостно замахал рукой.

— Мама!

Его голос прозвучал так громко и ясно, что у стоявших рядом женщин сразу выступили слёзы. Мать мальчика сначала не двинулась с места. Она просто смотрела на сына, будто боялась, что стоит ей моргнуть — и он исчезнет. Её губы приоткрылись, пальцы сжались на ткани куртки. Затем она резко вдохнула, прикрыла рот ладонью и бросилась вперёд.

— Сын Хён!

Толпа расступилась перед ней. Мальчик снова помахал рукой и что-то быстро заговорил воину, на плечах которого сидел. С расстояния было невозможно разобрать слов, но тот наклонил голову, выслушал ребёнка и ответил ему несколькими фразами. Потом пограничник улыбнулся. Не дежурно, не так, как взрослые иногда улыбаются детям, чтобы не обидеть их, а совершенно искренне. Он даже придержал мальчика за голени, когда тот слишком энергично задвигал ногами, и что-то пошутил, отчего Сын Хён громко рассмеялся. Этот смех стал для деревенских жителей окончательным доказательством того, что перед ними действительно пропавший ребёнок, а не кто-то похожий на него.

— Небесные духи милостивы... — прошептала пожилая женщина.

— Живой!

— Он живой!

— Сын Хён вернулся!

Сразу несколько голосов заговорили одновременно. Кто-то засмеялся от облегчения, кто-то начал плакать, кто-то принялся благодарить местных богов и духов-покровителей. Один из крестьян так сильно хлопнул соседа по плечу, что тот едва не потерял равновесие, но даже не подумал возмутиться. Вся тревога, копившаяся в деревне два дня, словно разом выплеснулась наружу. Мужчины, ещё недавно мрачно обсуждавшие возможность того, что ребёнок забрался в предгорья, теперь переговаривались с явным облегчением. Женщины улыбались сквозь слёзы. Несколько подростков, стоявших у стены, спрыгнули на землю и побежали навстречу отряду, пока их не остановили взрослые. Даже Пак Тэ-гу, который обычно не позволял себе проявлять чувства на людях, шумно выдохнул и расправил плечи.

— Вот же малый... — пробормотал он. — Заставил нас тут всех посидеть раньше времени.

Ман-сик коротко рассмеялся.

— А мы уже собрались прочёсывать северный склон. Ещё немного — и полезли бы в ущелья.

— Хорошо, что не успели. — Тут же заметил Ён-су.

Он смотрел на мальчика с таким выражением, словно пытался убедиться, что всё происходящее не было обманом зрения.

— Но как он оказался аж у пограничной крепости?

Эти слова прозвучали тихо, однако Пак Тэ-гу их услышал. Старший охотник не ответил. Он продолжал смотреть на приближающийся отряд, и первоначальное облегчение постепенно сменялось другим чувством — настороженностью. Потому что радость от возвращения ребёнка была совершенно естественной, но оставался вопрос, на который никто пока не знал ответа. Как именно Сын Хён оказался среди пограничников? И почему воины принесли его именно отсюда? Отряд уже приблизился настолько, что можно было рассмотреть лица людей. Мальчик продолжал болтать с пограничником, время от времени указывая на что-то позади них, словно рассказывал о каком-то удивительном приключении. Воин слушал его с улыбкой и лишь изредка отвечал, поправляя рукой маленькие ноги ребёнка, чтобы тот не соскользнул с плеч. Сын Хён выглядел уставшим. Под глазами у него залегли лёгкие тени, волосы спутались, а одежда была испачкана. Но он не казался тяжело раненым или испуганным. На его лице не было того выражения ужаса, которое ожидали увидеть люди, два дня представлявшие, как он один блуждает по лесу. Напротив, мальчик выглядел так, будто пережил что-то необычное, но совершенно не осознавал, насколько сильно напугал окружающих.

— Сын Хён! — снова позвала мать.

Теперь он слышал её лучше. Мальчик повернулся всем корпусом, едва не потеряв равновесие, и пограничнику пришлось крепче ухватить его за ноги.

— Осторожнее, малый. — С улыбкой сказал воин. — Не свались раньше времени.

Сын Хён что-то ответил ему, потом снова замахал матери.

— Мама! Я вернулся!

Женщина уже не могла сдерживаться. Она пробралась сквозь последние ряды людей, остановилась прямо перед воином и протянула руки к сыну.

— Отдайте его мне! Пожалуйста!

Пограничник посмотрел на неё, затем на ребёнка.

— Это твоя мать?

— Да! — радостно ответил Сын Хён.

— Тогда слезай. Кажется, она успела соскучиться.

Он осторожно поднял мальчика за талию и опустил на землю. Едва ноги Сына Хёна коснулись дороги, мать заключила его в объятия. Она прижала мальчика к себе так крепко, что он сначала удивлённо охнул, а затем обхватил её руками за шею.

— Мама, мне больно...

Женщина тут же ослабила хватку, но не отпустила его. Она отстранилась ровно настолько, чтобы рассмотреть его лицо. Провела ладонями по плечам, ощупала руки, проверила колени, заглянула под ворот куртки, словно ожидала обнаружить рану, которую не заметила с первого взгляда.

— Ты цел? Ты не ранен? Тебе не больно? Где ты был? Почему ты не вернулся? Ты хоть что-нибудь ел?

Вопросы сыпались один за другим, не оставляя мальчику

возможности ответить. Сын Хён моргал, глядя на мать с искренним недоумением. Потом его лицо постепенно изменилось. Он словно впервые понял, что она плачет.

— Мама, почему ты плачешь?

Женщина прижала его к себе снова.

— Потому что ты пропал, глупый мальчишка! Мы искали тебя два дня! Два дня, понимаешь?!

Мальчик замер.

— Два дня?

— Два дня!

Он посмотрел на неё, затем оглянулся на пограничника, словно искал у него подтверждение.

Воин, стоявший рядом, лишь слегка развёл руками.

— По моим подсчётам, именно столько.

Сын Хён нахмурился, пытаясь осмыслить услышанное. Потом пробормотал:

— А мне показалось, что меньше...

Слова были произнесены совершенно невинно, но несколько стоявших рядом взрослых обменялись тревожными взглядами.

Пак Тэ-гу сделал шаг вперёд.

— Мальчик, — негромко обратился он к Сын Хёну, — ты помнишь, как оказался в горах?

Сын Хён посмотрел на него.

— Конечно!

— Ты сам туда пошёл?

— Да.

— Один?

— Ну... сначала один.

Последние слова прозвучали достаточно небрежно, чтобы не вызвать у ребёнка никаких опасений, но Пак Тэ-гу сразу насторожился.

— Что значит “сначала”?

Сын Хён открыл рот, собираясь ответить, однако мать тут же прижала его к себе, не желая выпускать из рук.

— Не сейчас! — резко сказала она. — Пусть сначала поест и отдохнёт. Посмотрите на него! Он едва стоит на ногах, а вы уже задаёте вопросы!

— Разумеется... — спокойно ответил старший охотник.

— Я не собираюсь допрашивать его прямо здесь.

Он отступил на шаг, признавая её право первой забрать сына домой. Но взгляд его по-прежнему оставался сосредоточенным. Пограничники несли ребёнка с горной стороны. Это было неоспоримо. Они пришли по старой дороге, которая соединяла деревню с крепостью, а не со стороны лесной опушки, где мальчика потеряли его сёстры. Даже если Сын Хён случайно забрёл в предгорья, ему пришлось преодолеть значительное расстояние, прежде чем добраться до военного укрепления. Причём речь шла не о прогулке по знакомой тропинке. Между лесом возле деревни и пограничной крепостью лежали несколько участков труднопроходимой местности. Там имелись ручьи с крутыми берегами, каменные осы-

пи, заросшие овраги и старые тропы, которые даже взрослые жители использовали с осторожностью. Некоторые проходы были настолько узкими, что приходилось двигаться по одному. В других местах дорога терялась среди валунов, и человек, незнакомый с местностью, мог часами блуждать, пытаясь найти выход. И всё это находилось в непосредственной близости от земель, заражённых демоническими силами.

— Подождите... — произнёс Ён-су, словно только теперь окончательно осознав услышанное. — Если они нашли его у крепости...

Он не договорил. Ман-сик посмотрел на него, и выражение лица молодого охотника тоже изменилось.

— Значит, он дошёл туда сам?

— Похоже на то. — ответил Ён-су.

— Но это невозможно.

— Почему невозможно? — тихо спросил стоявший рядом крестьянин.

Ман-сик повернулся к нему.

— Потому что это не соседняя роща. Даже если идти по старой дороге, до крепости несколько часов пути для взрослого человека. А ребёнку пришлось бы потратить гораздо больше времени. И это при условии, что он знает, куда идёт.

— Может, его кто-нибудь сопровождал?

— Тогда почему его принёс на плечах пограничник? — спросил Ман-сик. — Почему он выглядит так, будто только что вернулся с прогулки?

Крестьянин не нашёлся с ответом. Пак Тэ-гу медленно провёл ладонью по подбородку. Теперь многое зависело от того, что именно произошло с мальчиком в лесу. Возможно, он случайно вышел на старую дорогу, а затем последовал по ней, не понимая, куда она ведёт. Возможно, встретил путников, которые доставили его в крепость. Возможно, заблудился в предгорьях, но каким-то образом сумел найти безопасный маршрут. Каждая из этих возможностей казалась невероятной по-своему. И ни одна не объясняла, почему ребёнок, проведший две ночи вне дома, выглядел настолько спокойным.

Старший охотник снова посмотрел на Сын Хёна. Мальчик уже успел перестать удивляться слезам матери и теперь что-то рассказывал ей, размахивая руками. Он явно хотел поделиться впечатлениями, но женщина продолжала прижимать его к себе, перебивая вопросами и то и дело проводя ладонью по его волосам.

— Он совсем не понимает, что с нами было, — негромко заметил Ён-су.

— Или не считает случившееся чем-то страшным, — ответил Пак Тэ-гу.

— Но как можно не считать страшным то, что заблудился в лесу?

— Для взрослого это страшно. Для ребёнка всё может выглядеть иначе. Особенно если он не знает, насколько далеко ушёл.

Он помолчал.

— И всё же мне не нравится, что его нашли именно там.

Эти слова словно вернули окружающих к действительности. Несколько мгновений назад деревня радовалась возвращению пропавшего ребёнка. Теперь же, когда первые эмоции начали утихать, жители понемногу осознавали, что возвращение Сын Хёна не означало исчезновения всех причин для беспокойства. Наоборот. Оно породило вопросы, которых прежде никто не мог задать. Почему мальчик оказался возле пограничной крепости? Что он делал в горах? Как прошёл через опасные участки, не имея ни оружия, ни припасов, ни опыта? И самое главное — почему пограничные воины сами сопровождали его обратно? Староста, до этого молча наблюдавший за происходящим, наконец обратился к командиру отряда:

— Уважаемый воин, простите за беспокойство, но, судя по всему, вы привезли нам нашего пропавшего ребёнка. Мы обязаны вам за это. Однако я должен спросить о том, где именно вы его нашли?

Командир посмотрел на старосту, затем на собравшихся жителей. Он явно понимал, что его ответ будет иметь большое значение для всех присутствующих.

— Его обнаружили неподалёку от границы... — произнёс он.

По толпе прошёл тихий ропот.

— Аж у границы? — переспросил староста.

— Именно.

— Но как он туда попал?

Командир слегка нахмурился.

— Вот это нам тоже хотелось бы выяснить.

Тишина, наступившая после этих слов, оказалась совсем не похожей на прежнюю. До этого люди боялись, что Сын Хён погиб в лесу. Теперь они видели его живым, стоящим в объятиях матери, и должны были бы радоваться. Но слова пограничного командира заставили их вновь вспомнить о горах, старых дорогах и демонических землях. Пак Тэ-гу медленно повернул голову к лесу. Там, за зелёной полосой деревьев, начинался путь, который он собирался пройти вместе с остальными охотниками. Он уже не был уверен, что сегодняшний поход следует начинать так, как они планировали. Возможно, поиски закончились, но вместо них появилось нечто, требовавшее гораздо большего внимания. Сын Хён сумел пройти туда, куда взрослые старались не заходить без оружия и необходимости. И теперь пограничники привезли его обратно.

Задумчиво хмыкнув, старший охотник снова посмотрел на мальчика, который, наконец вырвавшись из объятий матери, с воодушевлением показывал ей что-то на ладони. Издалека было не разобрать, что именно он держал, но ребёнок явно считал свою находку чем-то интересным.

— Похоже, — негромко произнёс Пак Тэ-гу, — сегодня нам придётся искать ответы совсем не там, где мы собира-

лись.

Ман-сик нахмурился.

— Думаешь, с ним что-то случилось в горах?

— Я думаю, что восьмилетний ребёнок не должен самостоятельно добираться до пограничной крепости. И если он сумел это сделать, нам следует выяснить как.

Он не добавил вслух, что больше всего его тревожила даже не сама дорога. Его тревожило то, что Сын Хён, судя по всему, сумел пройти через места, где взрослые опасались столкнуться с демоническими тварями, и вернулся оттуда без видимых ран. Возможно, ему просто повезло. Пак Тэ-гу очень хотел верить именно в это объяснение. Но за долгие годы охоты он усвоил простое правило. Когда что-то кажется слишком невероятным, чтобы быть правдой, лучше не торопиться считать это удачей.

А пока вся деревня окружала вернувшегося мальчика, радовалась его спасению и пыталась понять, что произошло, пограничные воины молча стояли у ворот, ожидая, когда командир сможет поговорить со старостой без толпы свидетелей. Солнце наконец поднялось над горным хребтом, осветив крыши домов, влажную дорогу и лица собравшихся людей. Деревня проснулась окончательно. Но обычный день так и не начался. Потому что теперь у жителей появилась новая тревога — не за то, найдётся ли Сын Хён, а за то, что именно он мог встретить по дороге к горам и почему эта дорога привела его к самой пограничной крепости.

Командир этой группы пограничных стражей не спешил отвечать на всё новые вопросы старосты. Он оглядел собравшихся жителей, задержал взгляд на нескольких мужчинах, вооружённых охотничьими ножами и луками, а затем посмотрел на женщину, которая всё ещё не выпускала сына из объятий. Мальчик уже успел пожаловаться на то, что его слишком крепко держат, но стоило матери немного ослабить руки, как сам прижался к ней, словно только теперь начал понимать, насколько сильно она испугалась за него. Вокруг них постепенно стихали разговоры. Люди хотели услышать объяснение произошедшего, причём не только потому, что исчезновение восьмилетнего ребёнка было серьёзным событием для всей общины. Пограничники не приходили сюда без причины, а уж возвращение пропавшего мальчика с горной стороны и вовсе не укладывалось в привычное представление о том, как должны развиваться подобные истории. Староста, невысокий пожилой мужчина с аккуратно собранными седыми волосами, сложил руки перед собой и чуть поклонился командиру.

— Простите, уважаемый воин. Мы, конечно, благодарны вам за то, что вы вернули нашего ребёнка. Его мать и вся наша деревня теперь у вас в долгу. Но вы сами понимаете, что случилось нечто необычное. Мы два дня искали Сын Хёна в лесу, обошли все окрестности, проверили ручьи и овраги, а теперь вы приходите со стороны гор и привозите его с собой. Не могли бы вы всё-таки нам пояснить, как он вообще мог

оказаться возле вашей крепости?

Командир посмотрел на старосту, затем на охотников, которые вернулись к воротам вслед за остальными жителями. Его взгляд на мгновение остановился на Пак Тэ-гу, и в этом коротком обмене взглядами было что-то, чего остальные не заметили. Во всяком случае, никто из крестьян не придал этому значения.

— Объяснить можно... — ответил командир. — Хотя, полагаю, вы будете удивлены не меньше, чем мы сами, когда впервые услышали эту историю.

— Значит, он действительно дошёл до крепости самостоятельно? — немедленно спросил Ман-сик.

Командир перевёл на него взгляд.

— Не совсем так.

В толпе кто-то шумно выдохнул.

— Как это — не совсем? — переспросил староста.

— Мальчика нашёл кое-кто, кто живёт в старой сторожевой башни. Он был напуган, устал и не мог толком объяснить, откуда пришёл. Именно тот, кто его встретил в лесу, доставил его к пограничной заставе, где ребёнку и оказали помощь. Когда стало ясно, что он потерялся и не знает дороги домой, мы решили сопроводить его в ближайшее поселение.

Командир говорил ровно, не торопясь, словно излагал обычный служебный отчёт. В его словах не было ничего особенно удивительного, и именно поэтому многие жители по-

что сразу успокоились.

— Вот как... — пробормотал староста. — Значит, его всё-таки кто-то нашёл.

— Да.

— А кто этот человек? — спросил Пак Тэ-гу.

Командир повернулся к старшему охотнику.

— Хранитель старой сторожевой башни.

На этот раз удивление оказалось куда более заметным.

— Какой ещё сторожевой башни? — вырвалось у одного из крестьян.

— Той, что стоит возле старой заброшенной дороги. — спокойно ответил командир. — Небольшой башни на каменном выступе, к северу от основного прохода. Она давно используется скорее как наблюдательный пост, чем как полноценное укрепление. Сейчас там живёт человек, который следит за дорогой и окрестностями.

Пак Тэ-гу нахмурился. Он знал о существовании старой башни. Вернее, знал, что когда-то там находился сторожевой пост, построенный ещё до того, как нынешняя пограничная крепость приобрела своё значение. Башня стояла в стороне от основных путей, на участке, где дорога огибала скалистый выступ и уходила в узкую долину. В былые времена там, вероятно, держали небольшую смену стражников, чтобы наблюдать за подходами к перевалу. Однако последние годы никто из деревенских охотников не видел там постоянного гарнизона.

— Насколько я помню, эта башня давно заброшена... — осторожно заметил он.

— Не совсем. — ответил командир. — Часть укрепления действительно пришла в негодность, но само строение ещё пригодно для жилья. Некоторое время назад там поселился человек, которому *разрешили* использовать башню в обмен на наблюдение за ближайшими тропами.

— И он нашёл Сын Хёна? — спросил староста.

— Именно.

В толпе снова зашептались. Теперь происходящее выглядело гораздо понятнее. Ребёнок заблудился, ушёл слишком далеко в лес, случайно вышел к старой дороге и оказался возле сторожевой башни. Там его заметил человек, живший в одиночестве, помог ему добраться до крепости, а пограничники уже доставили его обратно в деревню. История была необычной, но вполне правдоподобной. По крайней мере, на первый взгляд.

— А этот хранитель... — начал Ман-сик, но замолчал, подбирая слова. — Он давно там живёт?

— Достаточно, чтобы знать окрестности. — уклончиво ответил командир.

— Мы ведь охотимся в этих местах... — заметил Пак Тэ-гу. — И ни разу не встречали человека, который жил бы в башне.

— Возможно, потому, что вы не заходили непосредственно к ней.

— Я проходил неподалёку прошлым летом. Тогда там не было видно дыма.

— Значит, в тот день хранителя не было дома.

Ответ прозвучал настолько буднично, что старший охотник невольно нахмурился ещё сильнее. Командир не повышал голоса, не проявлял раздражения и не пытался откровенно уклониться от разговора. Но при этом он отвечал так, словно заранее определил, какую именно часть истории следует рассказать деревенским жителям, а какую лучше оставить за пределами обсуждения. Пак Тэ-гу слишком долго прожил у гор, чтобы не замечать подобного. Однако у него не было оснований обвинять пограничника во лжи. Человек действительно мог поселиться в старой башне. Более того, на некоторых участках границы подобные сторожевые посты использовали отшельники, травники и бывшие солдаты, которые предпочитали жить вдали от людских поселений. Пограничная служба иногда позволяла им занимать пустующие укрепления, если те соглашались сообщать о подозрительной активности в окрестностях. Сама по себе такая практика не была чем-то необычным. Необычным было другое.

— А где сейчас этот человек? — спросила мать Сын Хёна.

Все невольно повернулись к ней. Она наконец немного успокоилась, хотя продолжала держать сына за руку, словно боялась, что он снова исчезнет, стоит ей отвернуться. На её лице ещё оставались следы слёз, но теперь сквозь тревогу проступало желание понять, кому именно она должна благо-

дарить за возвращение ребёнка.

— Я хотела бы увидеть его. — добавила она. — Чтобы поблагодарить за то, что он помог моему сыну. Если бы не он...

Женщина не закончила фразу. Она только крепче сжала маленькую ладонь Сын Хёна.

Командир коротко кивнул.

— Это вполне естественное желание. Но хранитель остался у башни. Он не стал сопровождать нас до деревни.

— Почему? — спросила одна из женщин.

— У него свои дела и обязанности. К тому же он не может надолго оставлять пост без присмотра.

— Но ведь он спас ребёнка! — возмутилась пожилая крестьянка. — Неужели нельзя было попросить его приехать вместе с вами?

— Мы предлагали. — ответил командир. — Он отказался. Сказал, что не видит необходимости покидать башню.

— Станный человек. — пробормотал кто-то.

— Люди, живущие в одиночестве, нередко бывают странными. — заметил другой.

Эта мысль показалась многим вполне разумной. В деревне и без того хватало историй о людях, которые по тем или иным причинам предпочитали селиться подальше от остальных. Некоторые занимались сбором лекарственных трав, другие охотились, третьи просто не желали иметь дела с соседями. Если человек согласился жить в старой башне воз-

ле горной дороги, то, вероятно, он не слишком стремился к общению.

— А он хотя бы сказал, как мальчик оказался возле башни? — снова спросил Пак Тэ-гу.

— Сын Хён сам может вам рассказать. — ответил командир. — Хотя... Насколько я понял, он помнит не всё. Усталость, страх и пережитое потрясение иногда мешают детям правильно излагать события.

Старший охотник посмотрел на мальчика. Тот в этот момент пытался убедить мать, что вовсе не голоден, поскольку недавно ел что-то очень вкусное. Однако стоило ему упомянуть еду, как желудок предательски заурчал. Несколько стоявших рядом людей рассмеялись, а мальчик смущённо опустил голову.

— Я просто немного хочу есть... — Тихо пробормотал он.

— Немного? — Мать едва не расплакалась снова. — Ты два дня пропадал неизвестно где! Конечно, ты хочешь есть!

— Но я ел...

— Что ты ел?

Сын Хён задумался.

— Там была каша. И мясо. И ещё какие-то лепёшки. А потом мне дали сладкий корень...

Он принялся перечислять всё, чем его угощали, и постепенно в его голосе появлялось всё больше воодушевления. Судя по рассказу, в пограничной крепости его не только накормили, но и позволили отдохнуть в тёплом помещении.

Кто-то дал ему чистую одежду, хотя та, в которой он вернулся, всё ещё выглядела довольно потрёпанной. Мальчик говорил о деревянных стенах, больших котлах, людях с копьями и собаке, которая спала возле печи.

— А ещё у них есть башня. — сообщил он, широко раскрыв глаза. — Очень высокая! И с неё можно увидеть горы. А там...

Он внезапно замолчал. Мать тут же наклонилась к нему. — Что там, сынок?

Сын Хён посмотрел на командира, словно вспомнил что-то, о чём ему говорили совсем недавно. Воин, стоявший рядом, чуть заметно покачал головой. Это движение было настолько небольшим, что большинство жителей его не заметили. Но мальчик увидел. Он на мгновение сжал губы, затем пожал плечами.

— Ничего. Просто... горы...

Пак Тэ-гу тоже заметил этот короткий обмен взглядами. Он не знал, что именно командир хотел показать ребёнку. Возможно, тот просто напомнил ему, что не следует перебивать взрослых. Возможно, мальчик собирался рассказать о чём-то несущественном, не имевшем отношения к его исчезновению. Но старый охотник уже не мог отделаться от ощущения, что в истории есть нечто недосказанное.

— Позвольте задать ещё один вопрос... — произнёс он, обращаясь к командиру. — Если мальчика нашли аж возле сторожевой башни, почему вы сами решили сопровождать

его до деревни? Разве нельзя было отправить одного человека или передать сообщение с гонцом?

Командир посмотрел на него внимательнее.

— Можно было бы, если бы речь шла об обычной ситуации. Но ребёнок оказался в опасном районе. Мы не знали, как именно он туда попал и не подвергся ли воздействию демонической скверны. Поэтому решили доставить его лично, чтобы убедиться, что по дороге с ним ничего не случится.

Это объяснение было вполне разумным. Пограничники действительно не могли знать, что именно произошло с ребёнком. Если он блуждал по лесу несколько дней, то мог пересечь участок, затронутый демоническим влиянием, получить рану или столкнуться с заражённым животным. В таких случаях было бы безответственно просто отправить его домой с незнакомым человеком.

— Вы проверили его на скверну? — спросил староста, и на его лице вновь появилась тревога.

— Проверили. — ответил командир. — Всё нормально. Признаков заражения не обнаружено. Его перехватили раньше, чем он успел пострадать.

Собравшиеся заметно расслабились. Это был важный момент. В деревне хорошо знали, что последствия контакта с демоническими силами не всегда проявляются сразу. Иногда человек возвращался из леса внешне невредимым, но через несколько дней начинал страдать от лихорадки, странных болей или необъяснимого помутнения сознания. В худ-

ших случаях поражённый скверной человек мог превратиться в угрозу для окружающих.

Поэтому возвращение Сын Хёна ещё не означало, что опасность полностью миновала. Однако если пограничники провели проверку и не обнаружили ничего подозрительного, у семьи мальчика появлялся веский повод для облегчения.

— Слава духам-покровителям! — прошептала мать, прижимая сына к себе.

— Всё равно покажи его местному лекарю. — посоветовал Пак Тэ-гу. — Не потому, что я сомневаюсь в проверке пограничников. Просто после двух дней в лесу ребёнку не помешает осмотр.

— Конечно. — быстро согласилась женщина. — Я сразу отведу его к лекарю.

Староста тем временем пригласил командира в дом, предлагая ему отдохнуть и поесть после дороги. Пограничник поблагодарил его, но прежде чем принять приглашение, распорядился, чтобы двое воинов остались у ворот и помогли ответить на простые вопросы жителей, если те возникнут. Сам он собирался поговорить со старостой без лишних свидетелей. Это выглядело естественно. Пограничная служба не могла раскрывать все подробности своих действий каждому встречному, особенно если речь шла о событиях вблизи заражённых земель. Староста был ответственным человеком и имел право знать, угрожает ли деревне опасность.

Однако Пак Тэ-гу не спешил уходить. Он наблюдал, как

командир вместе с двумя сопровождающими направился к дому старосты, и пытался восстановить в памяти все детали разговора. Воины утверждали, что Сын Хёна нашёл хранитель сторожевой башни. Они не говорили, что мальчик самостоятельно дошёл до крепости, и не утверждали, что обнаружили его непосредственно в горах. Это было важно. Значит, существовал человек, который мог объяснить, как ребёнок оказался возле башни. И этот человек, судя по всему, не собирался приходить в деревню.

— Что скажешь? — спросил Ён-су, подходя ближе.

Пак Тэ-гу некоторое время молчал.

— Скажу, что мальчик жив, и это самое главное.

— А остальное?

— Остальное мы пока не знаем.

— Но ты ведь не веришь всей этой истории?

Старший охотник посмотрел на молодого мужчину.

— Я не вижу причины считать, что командир полностью выдумал случившееся. Пограничники не стали бы привозить ребёнка сюда и придумывать целую историю о человеке, которого можно проверить. Если сторожевая башня действительно занята, мы рано или поздно сможем это выяснить.

— Но почему он не приехал вместе с ними?

— Может быть, действительно не захотел. А может, ему есть чем заняться.

Ён-су нахмурился.

— Ты говоришь так, будто не хочешь делать выводы.

— Потому что не хочу.

Пак Тэ-гу повернулся к воротам, за которыми виднелась старая дорога.

— Мы два дня искали ребёнка возле деревни. Теперь выяснилось, что он оказался возле пограничной крепости. Если я начну придумывать объяснения прежде, чем узнаю подробности, то перестану искать правду и стану искать подтверждение собственным догадкам.

Он говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась твёрдость человека, который не раз видел, как необдуманные выводы приводили к беде.

— Однако одно я тебе скажу. Если хранитель башни сумел найти Сына Хёна, значит, он знает, где именно искать. А если он живёт там постоянно, то, возможно, заметил что-то ещё.

— Ты хочешь пойти к нему?

— Не сегодня.

Ман-сик, до этого слушавший их разговор, удивлённо повернулся.

— Почему? Если этот человек знает, что случилось, разве не лучше спросить его сразу?

— Лучше. Но сначала я хочу услышать рассказ самого мальчика. Без толпы вокруг, без десятка взрослых, которые будут перебивать его и подсказывать ответы.

— Думаешь, он что-то скрывает?

— Я думаю, что восьмилетний ребёнок может не пони-

мать, какие детали важны для нас. Он расскажет то, что запомнил, а мы должны будем разобраться, что из этого имеет значение.

Старший охотник снова посмотрел на Сын Хёна. Мальчик уже стоял рядом с матерью, держа её за руку. К нему подошла одна из старших сестёр. Она была бледной и явно боялась приблизиться, но всё же сделала несколько шагов вперёд.

— Сын Хён...

Мальчик повернулся к ней. Сестра опустила голову, и её плечи задрожали.

— Прости меня.

Сын Хён некоторое время смотрел на неё, словно не понимая, за что именно она просит прощения. Потом улыбнулся и шагнул к ней.

— Всё хорошо! Я же вернулся.

Девочка не выдержала и расплакалась. Она обняла брата, а он обхватил её руками, похлопав по спине так, как видел у взрослых.

— Не плачь. — серьёзно сказал он. — Я больше не потеряюсь.

Эти слова вызвали новую волну слёз, но теперь в них было больше облегчения, чем отчаяния. Даже Пак Тэ-гу невольно смягчился. На несколько мгновений все вопросы о сторожевой башне, пограничной крепости и дороге через предгорья отошли на второй план. Перед ними стоял обычный ребёнок, который вернулся домой живым. Его семья снова могла об-

нять его, а деревня — продолжить жить, не ожидая каждый день худших известий из леса. Но старший охотник слишком хорошо знал горы, чтобы считать это окончанием истории. Позже, когда толпа немного рассеялась, он подошёл к одному из воинов, оставшихся у ворот.

— Скажи мне, — негромко произнёс он, — эта сторожевая башня действительно снова занята?

Воин посмотрел на него с осторожностью, но не стал уклоняться от ответа.

— Да.

— И хранитель там один?

— Насколько мне известно.

— Как его зовут?

На этот раз воин помедлил.

— А-рэ.

Имя прозвучало вполне привычно. Но оно не походило на имена, которыми обычно называли жителей здешних земель. Пак Тэ-гу знал множество людей из разных областей, слышал имена купцов, путешественников, врачей и даже наёмников, прибывавших из дальних государств, но такого имени прежде не встречал.

— А-рэ? — повторил он.

— Именно.

— Он местный?

Воин посмотрел в сторону командира, который уже входил в дом старосты. Затем снова повернулся к охотнику.

— Нет. Насколько мне известно, он пришёл издалека.

— Откуда именно?

— Этого я не знаю.

Ответ был кратким и окончательным. Пак Тэ-гу не стал настаивать. Он поблагодарил воина и отошёл, сохраняя на лице обычное выражение. Но внутри него возникло новое беспокойство. Чужак, живущий в старой сторожевой башне, обнаружил пропавшего ребёнка в опасной местности и доставил его к пограничникам. При этом сам не пожелал сопровождать их в деревню. Возможно, в этом не было ничего необычного. Возможно, А-рэ действительно был всего лишь странным отшельником, которому разрешили занять старое укрепление. Возможно, он случайно заметил ребёнка, помог ему и вернулся к своим делам. Но почему-то Пак Тэ-гу не мог отделаться от мысли, что командир пограничников тщательно подбирал каждое слово, рассказывая об этом человеке. Старший охотник посмотрел на горы. Там, за лесом и каменистыми склонами, стояла старая сторожевая башня. В ней жил чужак, которого никто из местных не знал, а теперь выяснилось, что именно он оказался рядом с Сын Хёном в тот момент, когда мальчик нуждался в помощи.

Пак Тэ-гу ещё не знал, что именно связывало этого человека с пропавшим ребёнком. Не знал он и того, почему пограничники предпочли представить их встречу как случайность. Но он решил, что после того, как мальчик отдохнёт и поговорит с матерью, ему придётся отправиться к старой

башне. Не ради любопытства. Ради безопасности деревни. Потому что если в предгорьях появился человек, способный жить в одиночестве возле опасной границы, а пограничная служба считает необходимым скрывать подробности его знакомства с ребёнком, то разумнее всего будет узнать о нём побольше, прежде чем очередной житель деревни решит отправиться в лес. И особенно прежде, чем туда снова пойдёт какой-нибудь ребёнок.

Когда разговор у дома старосты немного утих, а первые слёзы радости сменились обычной деревенской суетой, кто-то из соседей наконец вспомнил, что до сих пор так и не услышал самого главного. Как именно Сын Хён умудрился забраться так далеко в горы и каким образом оказался возле пограничников. До этого мальчика почти не отпускали от матери. Его обнимали, гладили по голове, ощупывали плечи и руки, словно опасались, что стоит отвернуться, как он снова исчезнет, растворившись среди деревьев. Женщины то и дело предлагали ему еду, хотя он уже успел поесть в крепости, а мужчины, собравшиеся неподалёку, сдерживали любопытство лишь до тех пор, пока староста не попросил всех немного отступить и дать ребёнку возможность спокойно рассказать о случившемся. Сам Сын Хён, казалось, только теперь начал в полной мере осознавать, что вернулся домой. Поначалу он держался за материнскую одежду и отвечал на вопросы коротко, сбивчиво, постоянно поглядывая по сторонам, будто опасался, что взрослые вдруг снова ку-

да-нибудь уйдут, оставив его одного.

Но постепенно робость уступила место возбуждению. Он ведь пережил настоящее приключение, пусть и не по собственной воле, и теперь, оказавшись среди знакомых лиц, обнаружил, что ему ужасно хочется рассказать обо всём сразу.

— А потом я услышал, как что-то хрустнуло! — выпалил он, широко раскрыв глаза и подняв руку, словно собирался показать, насколько громким был тот звук. — Вот так! Хр-р-рясь! Прямо за кустами!

Несколько женщин, до того тихо переговаривавшихся между собой, тут же повернулись к нему. Рядом с воротами остановились двое мужчин, а один из пограничников, уже собиравшийся поправить ремень на плече, заинтересованно посмотрел на мальчика.

— И что ты сделал? — спросил кто-то из соседей.

— Я спрятался! — Сын Хён с такой гордостью сообщил об этом, словно именно его предусмотрительность позволила ему пережить всё произошедшее. — За... большим камнем! Только там были муравьи, и они ползали прямо по моей ноге. Я хотел их стряхнуть, но боялся, что тот, кто там ходит, меня услышит.

— Правильно сделал... — одобрительно заметил один из воинов. — Если в лесу слышишь что-то незнакомое, сперва лучше спрятаться и посмотреть, что происходит, а не бежать навстречу.

Мальчик энергично закивал. Ему явно понравилось, что

взрослый воин одобрил его поступок.

— А потом он вышел!

— Кто? — спросила мать, снова невольно придвигая сына поближе к себе.

— Человек! — выпалил Сын Хён. — Только я сперва подумал, что это медведь!

На мгновение воцарилась тишина. Даже пограничник, который до этого слушал рассказ с обычным выражением лица, слегка приподнял брови.

— Медведь? — переспросил широкоплечий Чхве Мансик, стоявший неподалёку. — И как же ты умудрился перепутать человека с медведем?

— Он был большой! — немедленно возразил мальчик. — И весь в шкурах! Вот такенных! — Он развёл руки, стараясь показать размеры чужой одежды. — А волосы у него были серебряные. Совсем серебряные! Как у старого ножа, когда он блестит на солнце!

На этот раз не выдержал один из пограничников. Он коротко хмыкнул, прикрыв рот ладонью, а стоявший рядом с ним воин расплылся в улыбке.

— Серебряные волосы, говоришь? — переспросил тот. — И ты решил, что это медведь?

— Я же не знал, что это человек! — тут же возмутился Сын Хён, почувствовав, что над ним смеются. — Он вышел из кустов! А я сидел за... камнем! Сначала я увидел его руки, потом плечи, потом голову. И он весь был такой... страш-

ный!

— Страшный, значит? — Чхве Ман-сик уже откровенно улыбался. — А рычал он? Может, ещё и на четырёх лапах ходил?

— Нет! — Мальчик нахмурился, пытаясь подобрать слова. — Он ходил как человек. Только двигался очень тихо. Я даже не услышал, как он подошёл. А потом он посмотрел на меня...

Тут Сын Хён замолчал. До этого он говорил так быстро, что едва успевал переводить дыхание, размахивал руками, показывал высоту куста, величину камня и длину чужих волос. Теперь же его лицо изменилось. Возбуждение никуда не исчезло, но под ним проступило воспоминание о том мгновении, когда он, одинокий и перепуганный, впервые увидел незнакомца среди деревьев.

— Он посмотрел на меня. — повторил мальчик тише. — А я не смог даже пошевелиться.

Мать тут же провела ладонью по его спине.

— Всё уже позади, сынок.

— Я знаю.... — ответил он, но продолжил рассказывать, словно теперь ему было важно не столько рассмешить слушателей, сколько объяснить, почему он так испугался. — У него лицо было белое. И глаза странные. А волосы... они не были седыми, как у дедушки Пак. Они были именно серебряными. Длинные, почти до плеч. И одежда у него была из шкур, вся такая грубая, тёмная. А на ногах — высокие сапо-

ги. Со шнурком... И только тогда я... закричал...

Старый охотник Пак Тэ-гу, до этого державшийся чуть в стороне от толпы, медленно выпрямился. До сих пор он слушал рассказ с выражением человека, которому приятно видеть пропавшего ребёнка живым и здоровым, но который не собирается принимать каждое детское преувеличение за чистую монету. Он хорошо знал, насколько сильно страх меняет воспоминания. В темноте обычная ветка могла показаться рукой мертвеца, шорох небольшой зверушки — шагами крупного хищника, а человек, внезапно возникший среди лесных зарослей, действительно мог напомнить медведя. Однако отдельные подробности заставили его насторожиться. Серебристые волосы... Высокие сапоги... Одежда из шкур... Человек, который двигался настолько тихо, что ребёнок практически не услышал его приближения... Последнее было вполне объяснимо для охотника или лесного жителя, но всё остальное складывалось в достаточно необычное описание.

— Сын Хён... — Тихо позвал он.

Мальчик тут же повернулся к нему. Пак Тэ-гу был старым знакомым, которого он не раз видел в деревне. Иногда охотник приносил на продажу зайцев или фазанов, иногда чинил у изгороди лук, а порой разрешал мальчишкам смотреть, как он снимает шкуру с добычи. В отличие от некоторых взрослых, он никогда не ругал детей за любопытство, если те не лезли под руку.

— Ты говоришь, что этот человек был одет в шкуры. Попробуй вспомнить... На нём были шкуры целиком или он носил обычную одежду, а поверх неё что-то накинул?

Сын Хён задумался.

— Не знаю. — Он нахмурился, стараясь восстановить в памяти увиденное. — На плечах у него было что-то тёмное. И на груди тоже. А вот рукава... вроде были. Только я не очень хорошо видел. Я ведь спрятался.

— Это понятно. А волосы у него были серебряные от корней до самых концов? Или только кое-где?

— Все! — уверенно ответил мальчик. — Я хорошо видел, когда он наклонился. Они блестели, как вода в ручье, если на неё падает солнце.

Пак Тэ-гу коротко кивнул, принимая ответ.

— А борода? Усы? Что-нибудь на лице?

— Нет. Лицо было гладкое. — Сын Хён на секунду замаялся. — Он молодой. Наверное, ненамного старше моего старшего брата, если бы у меня был старший брат.

— Значит, молодой мужчина, гладкое лицо, серебристые волосы до плеч, одежда из тёмных шкур и высокие, но странные сапоги. — Негромко повторил охотник, будто проверяя, не упустил ли чего-нибудь важного.

— И страшный! — поспешно добавил мальчик. — Хотя... Лицо красивое... И бледное, как у того чиновника, что проезжал через нашу деревню пару месяцев назад.

— Это уже каждый решит сам, когда увидит его. — спо-

койно ответил Пак Тэ-гу.

Несколько мужчин снова усмехнулись. Чхве Ман-сик, которому вся история по-прежнему казалась забавной, покачал головой.

— Если он действительно настолько похож на медведя, неудивительно, что ребёнок перепугался. В такой одежде и взрослый человек издалика может показаться зверем.

— Именно поэтому я и спрашиваю. — Произнёс старый охотник, не обращая внимания на смешки. — Мы собирались идти к северо-западному склону. Если там и в самом деле живёт человек, которого никто из нас прежде не встречал, нам лучше заранее знать о том, как именно он выглядит.

Он повернул голову к своим товарищам.

— Представьте, что мы наткнёмся на него в зарослях. Кто-нибудь увидит движение между деревьями, заметит крупную фигуру в тёмной шкуре, блеск чего-то серебристого — и решит, что перед ним зверь. А то и вообще — демоническая тварь! В следующий миг в него уже полетит стрела. Или кто-нибудь ткнёт копьём, прежде чем незнакомец успеет произнести хоть слово.

Улыбки на лицах охотников стали заметно сдержаннее. Пак Тэ-гу говорил без упрёка, но в его словах чувствовалась привычная для человека, проводшего полжизни в лесу, осторожность. Ошибка в деревне могла обернуться разбитой чашей или испорченной корзиной. Ошибка на горной тропе, где видимость ограничивали стволы деревьев и густой под-

лесок, порой заканчивалась смертью.

— К тому же, — продолжил он, — если этот человек живёт у старой сторожевой башни, у него могут быть свои причины носить такую одежду. Может быть, другой у него просто нет. Мы не знаем, кто он и откуда пришёл. Но пока он не проявил враждебности, нет никакого смысла начинать знакомство с попытки проткнуть его копьём.

— Верно сказано. — Немного подумав, согласился один из пограничников.

Другой, молодой воин с загорелым лицом, хмыкнул и посмотрел на Сын Хёна.

— Выходит, тебе повезло, малыш. Если бы твой сереброволосый медведь оказался таким же пугливым, как ты, он мог бы убежать, едва тебя увидев.

— Я не пугливый! — возмутился мальчик.

— Конечно, конечно, — примирительно ответил воин. — Ты просто очень предусмотрительный. Спрятался от медведя, который оказался человеком. А потом оглушил его своим криком. Такое не каждый день случается.

Смех снова прокатился по толпе, на этот раз добродушный. Даже мать Сын Хёна позволила себе слабую улыбку, хотя тут же погладила сына по голове, словно хотела показать ему, что смеяться над ним никто не собирается. Сам же мальчик показательно надулся и скрестил руки на груди. Он явно считал, что взрослые совершенно не понимают всей серьёзности произошедшего. Для них встреча с незнакомцем

была поводом для шуток, а для него она оставалась мгновением, когда лес вдруг перестал быть знакомым местом, где можно собирать грибы и ягоды, и превратился в огромную чашу, в которой каждый шорох мог предвещать опасность.

— А он вовсе не смеялся. — пробормотал Сын Хён. — Когда меня увидел.

— Кто? — переспросил Пак Тэ-гу.

— Тот человек. Он не смеялся. Он просто смотрел на меня. А потом спросил, почему я один пришёл так далеко.

Старый охотник снова сосредоточился.

— И что ты ему ответил?

— Что потерялся. Что сестры ушли, а я не смог их найти. — Мальчик помолчал и добавил. — Потом он сказал, что в том лесу нельзя ходить одному. И дал мне воды.

— Воды? — уточнил кто-то из женщин.

— У него была фляга. Большая такая. — Сын Хён показал руками её предполагаемый размер. — И он дал мне попить. А потом мы пошли к дороге.

— Он сам повёл тебя к дороге? — спросил Пак Тэ-гу.

— Да. Он сказал, что там безопаснее. А потом мы долго шли. Я хотел спросить, куда мы идём, но он сказал, что отведёт меня к людям. И ещё велел не отходить далеко от него, потому что в горах бывают звери.

— Разумные слова. — заметил старый охотник.

Теперь рассказ Сын Хёна приобретал более понятные очертания. Незнакомец не просто обнаружил ребёнка в лесу

и оставил его на произвол судьбы. Он дал ему воды, вывел к дороге, а затем доставил к людям. Если мальчик ничего не перепутал, то человек у башни повёл себя именно так, как следовало поступить с заблудившимся ребёнком. Это не отвечало на все вопросы, которые возникли у Пак Тэ-гу, но позволяло сделать один осторожный вывод. По крайней мере, во время этой встречи незнакомец не пытался причинить Сын Хёну вред.

— А он говорил что-нибудь ещё? — спросил охотник. — Например, как его зовут? Откуда он пришёл?

Сын Хён отрицательно покачал головой.

— Я не спрашивал.

— Почему?

— Потому что я хотел домой!

Ответ прозвучал настолько искренне и очевидно, что даже Пак Тэ-гу не смог удержаться от улыбки.

— В таком случае ты правильно сделал, что сначала добрался до дома.

На этом расспросы постепенно закончились. Староста, до того наблюдавший за разговором с крыльца, заметил, что мальчик устал. Хотя Сын Хён всё ещё пытался вставить в рассказ новые подробности, голос его стал тише, а движения — медленнее. Волнение последних дней, страх, дорога до крепости и обратный путь наконец начали давать о себе знать. Мать, заметив это раньше остальных, обняла сына за плечи и увела немного в сторону, чтобы он мог посидеть

на низкой деревянной скамье у стены. Ему принесли чашку тёплой воды, и мальчик послушно сделал несколько глотков.

Пак Тэ-гу же ещё некоторое время оставался среди мужчин, обмениваясь с пограничниками короткими замечаниями. Теперь он знал достаточно, чтобы не спутать незнакомца с обычным лесным бродягой, но недостаточно, чтобы составить о нём определённое мнение. Имя А-рэ он уже слышал от одного из воинов. Знал и то, что чужак поселился у старой сторожевой башни, следил за тропами и, по словам пограничников, не представлял непосредственной угрозы. Но откуда тот взялся, почему оказался в этих горах и каким образом получил разрешение жить в заброшенном сооружении, оставалось неясным. Открыто допрашивать воинов Пак Тэ-гу не собирался. Они вернули ребёнка, не потребовали за это платы и не попытались переложить ответственность на деревню. Более того, командир, судя по всему, намеренно избегал лишних подробностей о хранителе башни. Старый охотник был достаточно опытен, чтобы понимать, что если человек не хочет говорить о чём-то при всех, попытка вынудить его к откровенности едва ли принесёт пользу. Он решил, что посетит башню сам, когда закончит с неотложными делами. Не сегодня — мальчик только вернулся, а деревне требовалось восстановить привычный порядок. Но отклады-
вать знакомство надолго тоже не стоило. Тем временем староста распорядился принести корзины. Деревенские жители не были богаты. Каждый мешок зерна, каждая связка сушё-

ной зелени и каждая корзина овощей имели свою цену, особенно в преддверии холодного сезона. Однако возвращение пропавшего ребёнка было таким событием, за которое люди считали правильным отблагодарить тех, кто помог его спасти. Воины не попросили ничего взамен, но староста настоял, чтобы они приняли хотя бы немного свежих продуктов.

Женщины быстро принесли две большие плетёные корзины. В одну сложили только что выкопанную редьку, несколько кочанов капусты, пучки зелёного лука и крепкие стебли молодой зелени. Во вторую положили бобы, тыкву, несколько огурцов, а поверх всего — небольшую связку ароматных трав, которые хозяйки берегли для приготовления супов и лечебных отваров.

— Это немного... — сказал староста, передавая корзины командиру пограничников. — Но вы вернули нам ребёнка. Мы не забудем этого.

Командир принял подношение обеими руками, как того требовал обычай.

— Мы выполнили то, что должны были сделать. Мальчик оказался в опасном месте, и его следовало доставить домой. Не стоит считать это необычной услугой.

— Для вас, может быть, и не необычная. — ответил староста. — А для его матери эти два дня были длиннее целого года.

Стоявшая неподалёку женщина, услышав эти слова, прижала ладонь ко рту. Её глаза вновь увлажнились, и она по-

спешно отвернувшись, чтобы не заставлять окружающих обращать на себя внимание.

Командир на мгновение посмотрел в её сторону, после чего коротко склонил голову.

— Берегите его. И впредь не позволяйте детям уходить в лес без присмотра, особенно вблизи предгорий. Сейчас там спокойнее, чем в дни сильного тумана, но это не значит, что вся опасность исчезла.

Староста серьёзно кивнул.

— Мы будем осторожнее.

Пограничники попрощались с жителями, проверили подпруги, поправили ремни и распределили корзины так, чтобы их можно было удобно закрепить на выючных животных. Один из воинов хотел было поднять обе сразу, но старший товарищ велел ему не ломать спину и помочь погрузить овощи на коня. После коротких прощальных слов отряд направился к воротам. Впереди шёл командир, за ним двигались остальные воины. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и на старой дороге за деревней лежали длинные полосы света, пробивавшиеся сквозь ветви. Пограничникам предстоял обратный путь к крепости, где их ждали дежурства, доклады и привычные обязанности. Никто из них не собирался задерживаться в деревне дольше необходимого. Несколько жителей вышли проводить отряд до окраины. Женщины желали воинам благополучно добраться до крепости, мужчины кланялись, а дети, до этого державшиеся подальше от незнако-

мых вооружённых людей, теперь смело выбежали к дороге, чтобы посмотреть на лошадей и доспехи. Когда пограничники скрылись за изгородями и деревьями, деревня постепенно вернулась к повседневным заботам. У колодца снова зазвенели вёдра. Из одного двора донёсся стук деревянного пестика, которым толкли зерно. Женщины, оставившие свои дела ради поисков мальчика, теперь торопились домой, чтобы приготовить еду и закончить работу, накопившуюся за два дня. Мужчины вернулись к ремонту оград, починке крыш и уходу за скотом. Но случившееся ещё долго оставалось главной темой разговоров.

— Серебряные волосы! Никогда такого не слышала. — Говорила одна из женщин, подбирая корзину с оставшимися овощами. — Может, он из северных земель?

— А может, просто чужеземец... — отозвалась другая. — Вон сколько странных людей проходит через горы. Не все же обязаны выглядеть как мы.

— Но почему он живёт в старой башне? — вмешался мужчина, стоявший у изгороди. — Там ведь крыша наполовину обвалилась. Кто станет добровольно селиться в таком месте?

— Тот, кому больше негде жить... — предположил его сосед. — Или тот, кому нравится одиночество.

— Одиночество — это одно... — возразил первый. — А жить в горах, где может появиться скверна — совсем другое.

После этих слов разговор на мгновение стал серьёзнее. Даже те, кто прежде охотно шутил над рассказом Сын Хёна,

понимали, что старые дороги и заброшенные постройки редко оставались без причины. В прежние времена сторожевые башни строили не ради красоты. С них наблюдали за долинами, следили за перемещениями зверей и чужих отрядов, передавали сигналы соседним укреплениям. Если башня давно заброшена, значит, когда-то она перестала быть необходимой или её стало слишком трудно удерживать. Однако теперь там жил человек. И, судя по всему, этот человек не боялся леса настолько, чтобы избегать его.

— Пак Тэ-гу, ты ведь знаешь все тропы в тех местах... — обратился к старому охотнику один из мужчин. — Ты точно никогда не видел его раньше?

— Нет... не видел... — ответил тот.

— Даже издали?

— Даже издали.

— Тогда, может, стоит пойти туда всем вместе? — предложил мужчина. — Разузнать, что это за человек. Вдруг он опасен?

Пак Тэ-гу посмотрел на него так, что тот сразу перестал улыбаться.

— А если он просто человек, которому нужно жить в тишине? Ты предлагаешь отправиться к нему целой толпой, вооружиться и окружить его башню? Как думаешь, что он решит, увидев нас? А что решат пограничные стражи, что уже признали его хранителем той башни?

— Я не это имел в виду...

— Тогда не торопись с выводами. Сначала я поговорю с ним сам. Если выяснится, что он представляет опасность для деревни, мы будем решать, что делать дальше. Но если он просто живёт у старой дороги и не причиняет никому вреда, незачем создавать себе врага из человека, которого мы даже не знаем.

Несколько стариков одобрительно загудели. Другие предпочли промолчать, хотя любопытство никуда не исчезло. В небольшом поселении появление незнакомца в заброшенной башне неизбежно становилось событием, особенно если этот незнакомец помог пропавшему ребёнку и при этом обладал такой необычной внешностью.

Постепенно разговоры стихли. У каждого нашлось дело, которое нельзя было откладывать до вечера, и люди начали расходиться по дворам. Сын Хён всё это время оставался у дома матери. Сначала он слушал разговоры взрослых, временами пытаясь вставить собственное замечание. Когда кто-то говорил, что незнакомец, вероятно, был охотником, мальчик качал головой и утверждал, что тот выглядел иначе. Когда предполагали, что серебристые волосы могли быть просто седыми, он сердито возражал, что видел их собственными глазами и они блестели совсем не так, как волосы стариков. Да и молодое лицо никто не мог отрицать. Но постепенно спорить даже ему надоело. Он спустился со скамьи и пошёл к краю двора, откуда между крышами домов открывался вид на горы. Солнце освещало их склоны, делая зелень

деревьев яркой и почти праздничной. Вдали, за полосой леса, поднимались каменистые гребни, кое-где скрытые тонкими клочьями облаков. С этой стороны горы казались спокойными, даже красивыми. Ничто в их облике не напоминало о страхе, который охватил мальчика среди деревьев, когда он понял, что потерял дорогу.

Сын Хён смотрел туда долго и неподвижно. Теперь, когда он находился дома, среди знакомых стен и голосов, лес уже не казался ему таким огромным. Но память сохранила каждую подробность. Холодный камень, за которым он прятался... шорох кустов... собственное сердце, колотившееся так сильно, что ему казалось, будто его услышат за десяток шагов... и наконец — высокую фигуру, медленно вышедшую из зелёной тени... Серебристые волосы чужака действительно блестели, как вода в ручье. Его тёмная одежда пахла дымом, сырой древесиной и чем-то ещё, незнакомым мальчику. На сапогах засохла земля, а на руках были следы работы — небольшие царапины, потемневшие полосы грязи, огрубевшая кожа. Он вовсе не походил на людей, которых Сын Хён привык видеть в деревне. Даже голос у него был странным. Негромким, спокойным, с непривычным произношением некоторых слов. И всё же этот человек дал ему воды. Не стал ругать за то, что он потерялся, не бросил одного среди деревьев и не потребовал ничего взамен. Просто велел идти рядом и повёл туда, где можно было встретить других людей. Сын Хён не знал, почему незнакомец жил в забро-

шенной башне. Не знал, откуда пришёл и почему его волосы имели такой необычный цвет. Ему даже не пришло в голову спросить, сколько времени тот провёл в горах и не скучают ли по кому-нибудь, кто остался далеко отсюда. Но мальчик запомнил его. Запомнил так хорошо, словно тот был не случайным человеком, встреченным на лесной тропе, а кем-то, кто неожиданно возник в самом странном приключении его жизни.

Рассеянный взгляд Сын Хёна медленно переместился к склону, за которым, насколько он мог судить, находилась старая дорога. Там, среди деревьев и каменных выступов, оставалась сторожевая башня. Её не было видно из деревни, но мальчик теперь представлял, где она должна находиться. Ему казалось, что стоит долго смотреть на горы, как можно будет различить даже её тёмные очертания. Он сделал несколько шагов вперёд, приблизившись к изгороди.

— Сын Хён!

Голос матери прозвучал из-за спины. Мальчик не сразу отозвался. Он продолжал смотреть на горы, чуть наклонив голову, словно пытался рассмотреть что-то за дальними деревьями.

— Сын Хён, я к тебе обращаюсь!

На этот раз в голосе женщины появилась знакомая строгость. Мальчик вздрогнул и обернулся. Мать стояла у входа во двор, уперев руки в бока. После двух дней поисков её лицо всё ещё выглядело усталым, а под глазами залегли тени.

Но теперь в её взгляде не было прежнего отчаяния. Остались лишь тревога и то раздражение, которое возникает у родителей, когда ребёнок, едва избежавший беды, снова заставляет их волноваться.

— Что ты там застыл? — спросила она. — Иди домой. Тебе нужно поесть и отдохнуть.

— Я просто смотрю... — ответил мальчик.

— На что?

Сын Хён повернулся к горам.

— Туда. Где живёт тот человек.

Мать проследила за его взглядом. С её места были видны лишь дальние склоны, покрытые лесом, да тонкая полоска старой дороги, исчезающая за холмом. Никакого человека там, разумеется, разглядеть было невозможно.

Она помолчала, а затем подошла к сыну и взяла его за руку.

— Ты уже достаточно насмотрелся на горы. — сказала она, стараясь говорить строго, хотя голос невольно смягчился. — В ближайшее время ты туда не пойдёшь. Ни один. Ни с сёстрами, ни с друзьями, ни даже если тебе покажется, что там растут самые сладкие ягоды на свете. Ты понял?

— Понял. — тихо ответил Сын Хён.

— Повтори.

— Я не пойду один в лес.

— И не будешь отставать от взрослых.

— И не буду отставать от взрослых.

Мать удовлетворённо кивнула и потянула его к дому. Мальчик послушно пошёл следом, но у самого порога всё-таки обернулся ещё раз. Горы по-прежнему стояли на горизонте — зелёные, высокие и молчаливые. Солнце постепенно поднималось над ними, освещая верхушки деревьев и каменные гребни. Там, за лесом, в стороне от деревенских троп, оставался человек с серебристыми волосами, который носил шкуры, жил в старой башне и почему-то не боялся ходить по местам, где даже взрослые старались не задерживаться без необходимости. Сын Хён ещё не знал, что однажды ему снова захочется увидеть этого человека. Пока что он лишь запоминал дорогу, которую видел издали, и мысленно пытался представить, как выглядит башня, в которой тот жил.

— Ну же! — снова позвала мать из дверей. — Не заставляй меня тащить тебя за уши!

— Иду! — откликнулся мальчик.

Он быстро нырнул в дом, оставив за спиной солнечный двор, голоса соседей и далёкие горы. Дверь за ним закрылась, и обычная жизнь деревни постепенно поглотила происшествие, которое ещё долго будут вспоминать за вечерней едой.

А в горах, далеко за пределами деревенских огородов и знакомых троп, старая сторожевая башня по-прежнему стояла на своём каменном выступе. Её разрушенная крыша темнела среди ветвей, а узкая тропа, ведущая к ней, оставалась

почти незаметной для тех, кто не знал, куда смотреть. Там жил тот самый А-рэ — человек, которого ребёнок принял за медведя, а взрослые пока предпочитали считать просто странным хранителем заброшенной башни. И пока в деревне спорили о цвете его волос и гадали, откуда он взялся, сам А-рэ, вероятно, даже не подозревал, что за один короткий поход к пограничной крепости успел стать предметом разговоров целого поселения.

Незнакомец у деревенских ворот

Следующее утро в деревне началось так же, как и десятки предыдущих утр, когда над предгорьями ещё держалась прохладная дымка, а первые солнечные лучи только-только начинали пробиваться сквозь кроны деревьев, освещая соломенные крыши, деревянные изгороди и узкие улочки, вытоптанные ногами многих поколений местных жителей. В нескольких дворах уже поднимался дым. Хозяйки растапливали очаги, готовясь варить рисовую кашу и разогревать вчерашнюю еду, мужчины выносили из-под навесов инструменты, а возле колодца успели собраться первые женщины с деревянными вёдрами. Изредка раздавалось кудахтанье кур, за оградами слышалось недовольное мычание скота, и вся деревня понемногу пробуждалась, возвращаясь к привычному порядку после тревожных событий предыдущих дней.

Вчерашнее возвращение Сын Хёна, разумеется, ещё не успело забыться. Люди продолжали обсуждать пропажу мальчика, его неожиданное появление вместе с пограничниками и особенно странного человека с серебристыми волосами, который обнаружил ребёнка возле старой дороги и помог доставить его к крепости. Однако за ночь большая часть волнений улеглась. Сын Хён был дома, мать больше не плакала у ворот, а охотники, которым предстояло продолжить поиски, теперь могли заняться своими обычными делами.

В конце концов, жизнь в небольшой горной деревне не позволяла долго предаваться переживаниям. Если женщина целое утро будет вспоминать о пропавшем ребёнке, кто приготовит еду? Если мужчина станет весь день обсуждать незнакомца, кто починит покосившуюся изгородь? Даже самые необычные события постепенно уступали место необходимости кормить семью, заботиться о хозяйстве и готовиться к наступлению холодов.

Именно поэтому, когда молодой парень по имени Чан Гу направился к восточным воротам, чтобы выполнить своё обычное утреннее поручение, он думал исключительно о том, что хотел бы вернуться домой пораньше. Ему было около двадцати лет. Он не принадлежал к числу самых сильных мужчин деревни, не отличался особенной ловкостью и уж точно не мог похвастаться выдающимися успехами в охоте. Зато был исполнительным, достаточно расторопным и, что немаловажно для человека, которому доверяли открывать ворота, умел просыпаться до того, как остальные жители окончательно выберутся из постелей.

В обязанности Чан Гу входило проверить замок, убедиться, что за ночь к воротам никто не подходил, отодвинуть тяжёлый деревянный засов и открыть створки, чтобы жители могли свободно выходить на дорогу. Ворота не были особенно величественными. Две массивные створки из толстых досок, усиленные поперечными перекладинами, закрывали проход между земляными стенами и деревянными опорами.

Над ними тянулся простой навес, защищавший механизм от дождя, а с внутренней стороны имелось небольшое возвышение, откуда дежурный мог осмотреть ближайшую часть дороги.

В обычные дни эта работа не требовала ни особой смелости, ни выдающихся знаний. Достаточно было не забыть проверить засов и не открывать ворота, если снаружи слышались подозрительные звуки. Но именно сегодня Чан Гу не успел даже прикоснуться к засову. Он заметил незнакомца ещё издали. Сначала молодому человеку показалось, что на дороге возле лесной опушки стоит какое-то животное. В утреннем полумраке фигура выглядела необычно крупной, а тёмная одежда сливалась с тенями между деревьями.

Чан Гу невольно замедлил шаг, прищурился и попытался разглядеть, что именно появилось на дороге. Животное? Человек? Или, может быть, кто-то из пограничников вернулся раньше положенного срока? Последняя мысль показалась наиболее разумной. Воины иногда проходили через деревню по старой дороге, хотя обычно предупреждали о своём прибытии заранее, если собирались задержаться. Однако у этой фигуры не было ни привычного вооружения, ни знакомой одежды пограничных солдат. Возле её ног стоял какой-то большой короб, а сам незнакомец, судя по всему, вовсе не торопился подходить к воротам. Он просто стоял и ждал.

Чан Гу остановился. До ворот оставалось ещё несколько

десятков шагов. С этой стороны он не мог разглядеть лицо незнакомца, зато прекрасно видел его волосы. Они были светлыми. Нет, не просто светлыми. Серебристыми. Утренний свет цеплялся за отдельные пряди, отчего казалось, будто на голове человека лежит тонкий слой инея. Волосы были достаточно длинными, чтобы касаться шеи и плеч, и резко выделялись на фоне тёмной одежды, сделанной, насколько мог судить Чан Гу, из шкур или грубой выделанной кожи. Молодой парень почувствовал, как у него неприятно похолодело внутри. Вчерашний рассказ вспомнился сам собой. Мальчик, пропавший в лесу. Перепуганный ребёнок, который отстал от сестёр и заблудился среди деревьев. Незнакомец, неожиданно появившийся из кустов. Серебристые волосы, тёмные шкуры и внешность, из-за которой ребёнок принял его за медведя.

Тогда Чан Гу, как и многие другие жители, посмеялся над этой историей. Ему казалось забавным, что восьмилетний мальчишка перепутал человека со зверем, а взрослые мужчины теперь обсуждают цвет чужих волос так, словно речь идёт о каком-то необыкновенном чудовище. Теперь ему было совершенно не до смеха. Потому что человек, стоявший возле ворот, выглядел в точности так, как описывал Сын Хён. И если это действительно был тот самый незнакомец, то он пришёл не к кому-нибудь из местных жителей и не к дому старосты. Он явился прямо к деревенским воротам, ведущим в сторону гор, и принёс с собой неизвестно что.

Чан Гу перевёл взгляд на короб. Тот был довольно большим, примерно по пояс взрослому человеку, если поставить его на землю. Судя по тёмному дереву, из которого он был изготовлен, короб мог оказаться тяжёлым. Его углы укрепляли металлические накладки, а по бокам виднелись широкие ремни, позволявшие переносить груз на спине или закреплять его на вьючном животном. Однако никакого животного рядом не было. Незнакомец принёс его сам. Или, по крайней мере, именно такое впечатление складывалось у Чан Гу.

В этот момент парень почувствовал, что его ладони начинают сильно потеть. Он невольно оглянулся, словно надеясь увидеть позади кого-нибудь из более опытных мужчин, но дорога за его спиной оставалась пустой. Из ближайших дворов доносились привычные утренние звуки, а над крышами лениво поднимался дым. Незнакомец тем временем слегка повернул голову. Чан Гу не мог сказать наверняка, посмотрел ли тот прямо на него или просто оглядел окрестности, но этого оказалось достаточно. Молодой человек резко отступил, едва не споткнувшись о выступавший из земли камень.

— Да что же это... — пробормотал он.

За всё это время незнакомец так и не сделал ни одного шага к воротам. Не поднял руки, не позвал кого-нибудь и даже не попытался постучать по створкам. Он продолжал ждать. И почему-то именно это пугало Чан Гу сильнее всего. Если бы чужак подошёл к воротам, попросил впустить его или хотя бы окликнул дежурного, всё выглядело бы совер-

шенно обыкновенно. В деревню постоянно приходили торговцы... странствующие ремесленники... сборщики налогов и люди, направлявшиеся к пограничной крепости... Среди них встречались незнакомцы с необычной внешностью, непривычной одеждой и странными манерами. Но этот человек стоял молча, словно знал, что его заметят, и не сомневался, что рано или поздно кто-нибудь выйдет к нему.

Немного подумав, Чан Гу решил, что не станет проверять это лично. Он развернулся и побежал. Староста Квон Тхэ-сон в это время сидел в своём доме и завтракал. Перед ним стояла простая деревянная миска с рисовой кашей, рядом лежали несколько кусочков солёной редьки и небольшая тарелка с овощами, оставшимися после вчерашней суеты. Он собирался закончить еду, а затем отправиться осмотреть одну из изгородей на северной окраине деревни. После недавних дождей земля там размокла, и несколько опор начали наклоняться.

Работы было много, как всегда. Кроме того, после возвращения Сын Хёна ему предстояло поговорить с несколькими старейшинами семей, которые настаивали, что деревне необходимо внимательнее следить за детьми, отправляющимися в лес. Сам Квон Тхэ-сон не спорил с этим утверждением, хотя прекрасно понимал, что одними запретами проблему не решить. Дети оставались детьми, а лес начинался слишком близко от огородов и пастбищ. Он как раз поднёс ко рту очередную ложку, когда снаружи раздался торопли-

вый топот. Сначала староста не обратил на него внимания. По двору постоянно кто-то ходил, а иногда посыльные приносили новости из соседних поселений. Но шаги оказались настолько быстрыми и беспорядочными, что Квон Тхэ-сон невольно отложил ложку. Через мгновение дверь распахнулась. На пороге появился Чан Гу. Молодой парень был бледен, тяжело дышал и выглядел так, словно за ним гналась стая волков. Он даже не поклонился, как полагалось при обращении к старосте, а вцепился рукой в дверной косяк и попытался заговорить, не успев толком перевести дыхание.

— Старейшина! Старейшина, там...

— Что случилось? — Квон Тхэ-сон нахмурился. — Почему ты не у ворот?

— Там человек!

Староста посмотрел на него с недоумением.

— Человек? И что с того? Ты ведь должен был открыть ворота. Кто-то пришёл в деревню, вот ипусти его, если нет причин поступать иначе.

— Но он... — Чан Гу судорожно сглотнул. — Он странный!

— Странный? — переспросил Квон Тхэ-сон.

— Очень странный! У него волосы серебряные! Совсем серебряные, как у того, про которого вчера рассказывали!

Староста застыл. На мгновение он даже забыл о стоявшей перед ним миске с кашей.

— Повтори.

— У ворот стоит человек с серебристыми волосами! — громко выпалил Чан Гу. — Он вышел из леса, старейшина! Прямо из-за деревьев, со стороны гор! И у него с собой какой-то короб. Большой. Он поставил его на землю и теперь просто стоит перед воротами!

Квон Тхэ-сон медленно поднялся. Вчерашний день сразу вернулся в его память во всех подробностях. Сын Хён, едва не плачущий от волнения, рассказывает, как заблудился среди деревьев... Мать, прижимающая сына к себе так, словно боялась снова потерять его... Пограничники, вернувшие ребёнка из крепости... Их командир, объясняющий, что мальчика обнаружил хранитель старой сторожевой башни... И... те самые серебристые волосы... Как и одежда из шкур... А затем имя, которое прозвучало в разговоре с одним из воинов:

А-рэ.

В этот момент староста почувствовал, как тревога, едва успевшая улечься после вчерашних событий, вновь поднимается где-то под рёбрами. Неужели это действительно тот самый человек? Он посмотрел на Чан Гу, пытаясь понять, не преувеличивает ли тот от испуга. Молодой парень был известен своей впечатлительностью, но не настолько, чтобы без причины мчаться через всю деревню и врываться в дом старосты. Обычно Чан Гу старался избегать неприятностей, а сейчас выглядел так, будто предпочёл бы встретиться с разъярённым кабаном, лишь бы не возвращаться к воротам.

— Ты сам его видел? — спросил Квон Тхэ-сон.

— Собственными глазами!

— Хорошо рассмотрел?

— Он стоял совсем близко от ворот. Я увидел его, когда подошёл открывать створки. У него длинные серебряные волосы, тёмная одежда из шкур и высокие сапоги. И он... — Чан Гу замялся, снова посмотрев в сторону выхода. — Он очень большой.

— Большой? Насколько большой?

— Выше меня. Может быть, выше и некоторых других мужчин. Я не знаю. Он стоял далеко, но...

Парень запнулся, не находя слов. Квон Тхэ-сон нахмурился ещё сильнее.

— А что он делал?

— Ничего.

— Как это — ничего?

— Просто стоял! — почти отчаянно ответил Чан Гу. — Поставил короб на землю и стоит. Даже не стучит в ворота. Не зовёт никого. Просто смотрит на деревню.

Последние слова заставили старосту задуматься. Незнакомец не пытался проникнуть внутрь, не угрожал дежурному и не вёл себя так, словно собирался напасть. Он стоял перед закрытыми воротами и ждал. В сущности, так мог поступить любой путник, пришедший в деревню до того, как её успели открыть. Но если это действительно был человек из гор, тот самый, который вчера помог Сын Хёну, почему он явился

сюда? И главное, зачем ему понадобился этот большой короб?

Квон Тхэ-сон машинально провёл ладонью по подбородку. Он не был воином и не претендовал на мудрость пограничных командиров, однако много лет управлял деревней и научился понимать, что необычные события редко возникают сами по себе. Вчера пропавший ребёнок вернулся домой благодаря человеку, о существовании которого никто из местных прежде не знал. Пограничники рассказывали о нём осторожно, неохотно отвечая на вопросы. Старый охотник Пак Тэ-гу, услышав подробности, решил лично посетить башню.

И вот на следующее утро этот человек сам пришёл к деревне. Совпадение? Возможно. Но слишком уж быстро одно событие последовало за другим. Староста не знал, какие именно отношения связывали этого таинственного Арэ с пограничниками. Может быть, он действительно был обычным хранителем заброшенной башни, которому разрешили поселиться там в обмен на наблюдение за дорогой. Может быть, его присутствие было связано с какими-то делами крепости, о которых рядовым жителям не полагалось знать. А может, командир просто не хотел рассказывать о чужаке больше необходимого. Последнее предположение особенно беспокоило Квон Тхэ-сона. Пограничники не производили впечатления людей, склонных к пустым разговорам. Если командир отвечал уклончиво, значит, на то имелась причи-

на. И староста не собирался забывать об этом только потому, что вчерашний незнакомец помог ребёнку. С другой стороны, он не мог позволить себе впасть в панику из-за человека, который пока не сделал ничего предосудительного.

— Ты оставил ворота закрытыми? — спросил он.

— Да, старейшина.

— И правильно сделал. Пока не знаем, кто перед нами, незачем распахивать створки.

Чан Гу заметно расслабился. Судя по всему, именно этого ответа он и ждал. В виде своеобразного подтверждения, что его поступок был правильным и ему не придётся одному возвращаться к воротам. Однако сам староста уже направлялся к двери.

— Позови двух мужчин, которые сейчас находятся возле колодца. Пусть возьмут копья и подойдут к воротам. Не для того, чтобы угрожать человеку, а на всякий случай. И передай, чтобы никто не начинал кричать и не провоцировал его без причины.

— Да, старейшина!

— И ещё. Не надо разносить по всей деревне слухи о демонах и чудовищах. Если кто-нибудь спросит, скажи, что у ворот стоит путник, с которым я собираюсь поговорить.

Чан Гу энергично закивал, хотя по его лицу было видно, что к моменту, когда он доберётся до колодца, половина деревни уже наверняка узнает о серебряноволосом незнакомце. Староста вышел следом за ним. Так оно и произошло. Чан

Гу не успел пробежать и половины улицы, как его заметили несколько женщин, собиравших возле одного из дворов свежие овощи. Молодой парень мчался так, словно за ним гнались, а на вопросы отвечал только короткими возгласами:

— У ворот! Человек! Серебряные волосы!

Этого оказалось достаточно. Одна женщина тут же бросила корзину и позвала мужа. Другая поспешила к соседке, чтобы сообщить новость, а та, в свою очередь, выглянула за изгородь и окликнула мужчину, направлявшегося к сараю. Весть распространялась быстрее, чем мог бежать сам Чан Гу. Кто-то решил, что к деревне пришёл очередной пограничный посыльный. Кто-то сразу вспомнил вчерашнего мальчика. А один пожилой крестьянин, услышав о серебристых волосах, даже воззвал к духам привычным для местных жестом, после чего поспешно направился к воротам, прихватив старое копье, которое обычно держал у двери на случай появления волков.

Через несколько минут к восточной окраине потянулись первые любопытные. Сначала они держались на расстоянии, переговариваясь вполголоса. Затем стали подходить ближе, стараясь занять места, откуда можно было разглядеть дорогу за воротами. Мужчины вставали впереди, женщины выглядывали из-за их плеч, а несколько подростков пытались протиснуться между взрослыми, пока их не отгоняли обратно.

— Это действительно тот самый человек?

— А кто ещё? Разве у нас в округе много людей с сереб-

ряными волосами?

— Может, это какой-нибудь странствующий лекарь?

— С таким-то видом? Лекари обычно носят сумки, а не шкуры.

— Откуда тебе знать, как должны выглядеть все лекари?

— Тише вы! Староста идёт!

При появлении Квон Тхэ-сона разговоры постепенно стихли, хотя толпа не разошлась. Напротив, многие невольно вытянули шеи, стараясь понять по выражению его лица, насколько серьёзно происходящее. Староста шёл быстро, но не бежал. За его спиной следовали двое мужчин с копьями, а чуть поодаль двигались ещё несколько жителей, решивших, что лучше не оставаться в стороне. Сам Квон Тхэ-сон прекрасно понимал, что сейчас любое его действие будут внимательно рассматривать. Если он начнёт суетиться, люди решат, что опасность действительно велика. Если же отнесётся к незнакомцу слишком беспечно, кто-нибудь обязательно обвинит его в неосторожности, если впоследствии выяснится, что тот представляет угрозу. Поэтому он старался держаться спокойно. Хотя, если говорить откровенно, внутри у него тоже нарастало беспокойство. Когда староста добрался до ворот, там уже стоял Чан Гу. Молодой парень держался позади двух мужчин, вооружённых копьями, и при виде Квон Тхэ-сона с заметным облегчением отступил ещё на шаг.

— Где он? — спросил староста.

Чан Гу молча указал на створки.

— За воротами?

— Да.

Квон Тхэ-сон подошёл к небольшому смотровому проёму, устроенному между досками, и осторожно посмотрел наружу. Сначала он увидел дорогу. Узкая полоса утоптанной земли уходила к лесу, петляя между невысокими холмами. По обеим сторонам росли кустарники, за которыми поднимались стволы деревьев. Утренний свет уже проникал достаточно глубоко, чтобы различить камни на обочине и отдельные ветви, лежавшие после недавних ветров. Затем его взгляд остановился на человеке. Незнакомец действительно стоял перед воротами, на расстоянии нескольких шагов от створок. Он был одет в тёмную, грубоватую одежду, которая на первый взгляд могла показаться сшитой из шкур. На ногах у него были высокие сапоги, покрытые пылью и засохшей грязью. Светлые волосы свободно лежали на плечах, отливая серебром в солнечных лучах. У его ног находился короб. Теперь, когда староста мог рассмотреть его лучше, стало понятно, что это не простая деревянная корзина и не дорожный сундук торговца. Короб был прямоугольным, довольно высоким, с укреплёнными углами и крышкой, плотно пригнанной к стенкам. По бокам тянулись ремни, а на верхней поверхности виднелись потёртости, оставленные долгим использованием. Вещь выглядела так, словно её часто переносили с места на место, но при этом старались беречь содер-

жимое от ударов и непогоды.

Сам незнакомец стоял неподвижно, держа руки свободно опущенными вдоль тела. Он не был похож на человека, который пришёл просить милостыню или торговать. Не держал перед собой никаких товаров, не размахивал руками и не пытался привлечь внимание громкими возгласами. Он просто ждал, глядя на закрытые ворота. Староста невольно задержал дыхание. Даже через небольшое отверстие в створках было заметно, что незнакомец действительно молод. Не старик, не седой странник, как можно было предположить по необычному цвету волос, а молодой мужчина, чьё лицо не скрывали ни борода, ни усы. Внешность у него была непривычной для местных, но не уродливой и не пугающей сама по себе. Скорее, в ней было что-то чужое — нечто, что трудно было объяснить отдельной чертой. И всё же больше всего старосту удивляло не это. А-рэ, если это был он, выглядел совершенно спокойным. Не было видно ни нетерпения, ни раздражения из-за того, что ворота до сих пор закрыты. Он не стучал по дереву, не требовал впустить его и не проявлял признаков беспокойства. Даже короб у его ног, который мог содержать что угодно, словно не имел для него особого значения. Квон Тхэ-сон медленно отстранился от смотрового проёма.

— Это он... — тихо произнёс Чан Гу за его спиной. — Точно он... Такой же, как вчера рассказывали.

— Ты видел его вчера? — спросил один из мужчин.

— Нет, но я слышал рассказ мальчика. И теперь вижу своими глазами.

— Может, у него под одеждой оружие?

— У всех, кто ходит по горам, может быть оружие. — Тут же раздражённо ответил второй мужчина. — Ты сам-то вышел бы туда без ножа?

— Я не об этом...

— Тихо! — Тут же оборвал их староста.

Оба сразу же замолчали. Квон Тхэ-сон снова посмотрел на ворота. Теперь ему предстояло решить, как действовать дальше. Можно было оставить створки закрытыми и потребовать, чтобы незнакомец объяснил, кто он и зачем пришёл. Можно было отправить кого-нибудь за Пак Тэ-гу, который вчера уже заинтересовался хранителем сторожевой башни. Можно было даже послать гонца к пограничной крепости, чтобы выяснить, известно ли там о сегодняшнем визите.

Но каждый из этих вариантов имел свои недостатки. Если заставить человека долго ждать за воротами, не объясняя причины, он может решить, что деревня не желает иметь с ним дела. Если немедленно отправить гонца в крепость, это будет выглядеть так, словно местные жители боятся самостоятельно поговорить с путником. А если открыть ворота без всяких предосторожностей, толпа за спиной старосты непременно начнёт задавать вопросы, окружит чужака и превратит обычную встречу в шумное представление. Последнее было особенно нежелательно. Квон Тхэ-сон уже знал по вче-

рашнему разговору, что пограничники не раскрыли о незнакомце почти ничего. Значит, лучше всего было сперва поговорить с ним наедине, насколько это вообще возможно в присутствии двух дежурных. Староста повернулся к мужчинам с копьями.

— Оставайтесь здесь. Не направляйте оружие на путника, но и не убивайте его далеко. Если я велю открыть ворота, отойдите в стороны и не мешайте ему войти.

Затем он обратился к Чан Гу:

— Принеси ключ от боковой калитки. Мы откроем её, а не все створки сразу.

Молодой парень торопливо кивнул и бросился выполнять поручение. Квон Тхэ-сон ещё раз оглядел собравшихся жителей.

— Остальные остаются здесь. Никто не кричит, не задаёт вопросов и не пытается трогать его вещи. Если он пришёл по делу, мы выслушаем его. Если ему что-то нужно, узнаем, что именно. А если вы будете толпиться вокруг и перебивать друг друга, мы не сможем понять даже простых слов.

Некоторые жители недовольно зашевелились, но спорить со старостой никто не решился. Люди отступили на несколько шагов, оставив свободное место перед воротами, хотя любопытные взгляды по-прежнему устремлялись к смотровой щели.

Квон Тхэ-сон глубоко вдохнул и поправил одежду. Он не знал, зачем А-рэ пришёл в деревню. Не знал, что лежит в его

коробе, и не мог сказать, является ли тот просто отшельником, хранителем сторожевой башни или человеком, о котором пограничники предпочитали не распространяться. Но одно староста понимал совершенно ясно... После вчерашнего возвращения Сын Хёна этот визит нельзя было считать совершенно случайным, по крайней мере до тех пор, пока сам незнакомец не объяснит причину своего появления.

А за воротами сереброволосый гость по-прежнему ждал. И теперь деревня наконец собиралась узнать, что ему понадобилось.

Ключ от боковой калитки принесли довольно быстро, хотя Чан Гу едва не выронил его, когда пытался одновременно протиснуться между стоявшими у стены мужчинами и не задеть плечом старосту. Квон Тхэ-сон забрал тяжёлый кусок потемневшего металла, проверил, правильно ли тот лежит в ладони, и ещё раз оглядел собравшихся.

— Оставайтесь здесь. — Повторил он уже без прежней строгости. — И не вздумайте пугать человека раньше, чем мы узнаем, зачем он пришёл.

После этого староста повернулся к воротам. Боковая калитка была устроена в одной из створок и предназначалась для тех случаев, когда не требовалось открывать весь проход. Она была достаточно широкой, чтобы через неё мог пройти взрослый мужчина с поклажей, но не позволяла без необходимости распахнуть ворота настежь.

Всё же решившись, Квон Тхэ-сон отпер замок, придержал

деревянную створку, чтобы та не ударилась о стену, и осторожно выглянул наружу.

Сереброволосый незнакомец стоял на прежнем месте. За то время, пока староста собирался с мыслями и отдавал распоряжения, тот, судя по всему, даже не сдвинулся с места. Короб по-прежнему находился у его ног, поставленный на ровный участок земли. Сам мужчина смотрел в сторону ворот, и когда калитка начала открываться, его взгляд спокойно переместился на появившегося в проёме старика. Никакого удивления на его лице не отразилось. Не было и той настороженности, какую обычно проявляли незнакомцы, впервые сталкиваясь с вооружёнными жителями приграничного поселения. Он не потянулся к поясу, не отступил, не попытался прикрыть короб ногой. Просто чуть повернул голову, словно наконец дождался того, ради чего и остановился перед деревней.

Квон Тхэ-сон невольно задержал взгляд на его лице. Первое впечатление оказалось совсем не таким, какого он ожидал. Вчера, слушая рассказ мальчика и осторожные объяснения пограничников, староста представлял себе человека, прожившего достаточно долго в горах, чтобы привыкнуть к одиночеству и суровым условиям. Ему виделся немолодой охотник с обветренной кожей, грубыми чертами лица, тяжёлым взглядом и той особой угловатостью, которая появляется у людей, большую часть жизни проводящих среди камней, деревьев и звериных троп. Возможно, с густой бородой,

с глубокими морщинами возле глаз, с руками, покрытыми старыми шрамами.

Даже когда Чан Гу сообщил о серебристых волосах, староста поначалу предположил, что перед ним может оказаться человек в преклонном возрасте. Необычный цвет волос сам по себе ничего не доказывал. В горах жили долгожители, а среди странствующих лекарей и отшельников порой встречались люди, чья внешность вызвала больше вопросов, чем ответов.

Однако незнакомец, стоявший перед ним, явно был молод. Настолько молод, что Квон Тхэ-сон на мгновение усомнился в собственным глазам. Восемнадцать лет. Может быть, чуть меньше или чуть больше, но никак не тот возраст, который староста невольно приписывал человеку, живущему в одиночестве возле заброшенной сторожевой башни.

Перед ним стоял молодой мужчина с гладким лицом, без усов и бороды. Кожа у него была светлой, почти непривычно светлой для человека, который, судя по одежде, проводил немало времени на открытом воздухе. Черты лица отличались удивительной правильностью. Прямой нос, чётко очерченные губы, ровная линия подбородка, скулы, которые не казались ни чрезмерно широкими, ни выступающими. Даже в неподвижном выражении его лица сохранялась какая-то природная утончённость, не слишком подходившая к грубой одежде из шкур.

Староста невольно подумал, что если бы незнакомец на-

дел приличные одежды, вымылся после долгого путешествия и привёл волосы в порядок, его можно было бы принять за сына какого-нибудь весьма состоятельного чиновника или даже представителя знатного рода. Разумеется, внешность сама по себе ничего не доказывала. Квон Тхэ-сон прожил достаточно долго, чтобы знать главное... благородные черты лица не делают человека благородным, а происхождение не всегда можно определить по тому, как человек держится. И всё же в здешних землях существовали определённые приметы, которые невольно заставляли задуматься о родословной незнакомца. Кожа, не слишком загрубевшая от солнца. Руки, на которых не было заметно привычных для крестьянина мозолей от тяжёлой работы. Лицо, не обезображенное старыми шрамами или следами тяжёлых болезней. Осанка, сохранявшая естественную прямоту даже в простой одежде. Всё это складывалось в образ человека, который, по крайней мере в юности, не был вынужден ежедневно бороться за кусок хлеба. И тем страннее было видеть его здесь. В глухих предгорьях, в одежде из шкур, с дорожным коробом у ног и серебристыми волосами, перехваченными простой полоской кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.